

АЛЕКСАНДР РУЖ

Волчий камень

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ БЛИСТАТЕЛЬНАЯ И НЕПОДРАЖАЕМАЯ
АНИТА МОРРЬЕНТЕС!

Александр Руж

Волчий камень

Серия «Анита Моррьентес», книга 1

Серия «Колоритный детектив»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57154305

Волчий камень: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-114172-1

Аннотация

Середина XIX века. Супруги Анита и Алекс уехали из России, чтобы путешествовать по Европе, а там неспокойно: в Берлине, где они задержались, назревает революция. Аните рассказывает об этом за бокалом вина в ресторанчике новый знакомый Вельгунов. Он же указывает ей на колоритную пару – известную писательницу Элоизу де Пьер и ее жениха, богатого фабриканта Либиха – и сразу после этого внезапно умирает. В смерть Вельгунова от сердечного приступа Анита не верит, поэтому проявляет настойчивость, добиваясь от полиции максимально полной экспертизы. И оказывается права: Вельгунов был отравлен. После этого Аните неожиданно наносит визит Элоиза де Пьер. Она расспрашивает Аниту о ее взаимоотношениях с Вельгуновым, чем вызывает подозрения, что эта загадочная и опасная история только начинается...

Содержание

Пролог первый, развернутый	5
Пролог второй, лаконический	15
Глава первая. Простреленная афиша	16
Глава вторая. Три зашифрованных письма	45
Глава третья. Карета с зашторенными окнами	76
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Александр Руж

Волчий камень

© Руж А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог первый, развернутый

За окнами Бельведерского дворца, одного из красивейших зданий восьмивековой Варшавы, вздрагивали и раскачивались языки пламени. Внутри, у витражей дворцовой залы, стоял, заложив руки за спину, человек лет пятидесяти в парадном мундире с орденами и, поджав тонкие маленькие губы, делавшие его круглое лицо немного кукольным, смотрел на зловещие отблески уличных пожаров.

Человека звали Константин Павлович Романов, и был он, ни много ни мало, вторым сыном покойного императора Павла Первого, бывшим наследником царского престола, а ныне наместником самой западной русской провинции – Царства Польского. Константин Павлович приехал в Польшу по поручению своего старшего брата императора Александра сразу после того, как, согласно решению Венского конгресса, часть Великого герцогства Варшавского отошла России. Александр назначил его командующим польской армией при первом наместнике – генерале Юзефе Зайончке. Когда Зайончек умер, Константин Павлович сделался полновластным хозяином русских владений в Польше.

Властью своей он не злоупотреблял: строго соблюдал польскую конституцию и слыл правителем хотя и вспыльчивым, но честным и великодушным. Когда российский трон занял младший сын Павла Николай, Константин Павлович

принял решение остаться в Польше навсегда. Назад, в «большую Россию», его уже не тянуло. Он обжился в Варшаве, ему здесь было уютно, к тому же, разойдясь со своей первой супругой, кобургской принцессой Юлианной, он женился на польской графине Жанетте Грудзинской, восхитительной красавице, которая была предана ему всей душой. Словом, Польша стала для великого князя второй родиной, а варшавский Бельведер – вотчиной, и он никуда не собирался отсюда уезжать.

Однако настали смутные времена, и все переменялось. Еще в конце двадцатых годов до Константина Павловича доходили тревожные слухи о том, что в Царстве Польском, Литве и Правобережной Украине создаются тайные масонские организации, готовящие военный мятеж с целью возвращения Польше государственной независимости. Слухи вызывали у великого князя раздражение, он им не верил. Какой мятеж? Польская провинция милостью Александра Первого получила такие права и свободы, каких не было в метрополии – петербургские свободолюбцы скрипели зубами от зависти, читая дарованную Царству Польскому конституцию. По твердому убеждению Константина Павловича, жаловаться полякам было совершенно не на что, жилось им сытно и спокойно. Ан нет – осенью 1830 года, на волне европейских революций, начались волнения и на берегах Вислы. Великий князь понял, что положение куда серьезнее, нежели он мог предполагать.

В подготовке восстания немалую роль сыграло католическое духовенство (вот и добубнились ксендзы, подумал Константин Павлович, стоя у окон дворца), а масла в огонь подлило известие о том, что русские и польские войска будут в скором времени брошены на подавление бельгийских повстанцев. В Бельгии творилось черт-те что: созданное пятнадцать лет назад Нидерландское королевство в одночасье разлетелось на куски. Вот тебе и Венский конгресс, вот тебе и Священный Союз народов... Нет теперь больше никакого Союза, одни бесполезные закорючки на гербовых бумагах, чья юридическая сила никого уже не волнует. Политическая утопия Александра рухнула, пережив своего создателя всего-то на пять лет. А коли так, то, по мнению Константина Павловича, ни к чему сейчас России вмешиваться в чужие дела – пусть французы с голландцами сами разбираются, что делать с мятежной периферией.

Мысли о Бельгии и новом европейском устройстве сразу выветрились из головы великого князя, когда промозглым ноябрьским утром к нему в Бельведерский дворец явился генерал Новосельцев, верный соратник со времен Заграничных походов, и с порога заявил:

– Дело плохо, ваше высочество. Волнения в войсках...

Этому Константин Павлович тоже не хотел верить. Он сам, лично, будучи еще в ранге командующего, выпестовал новую польскую армию, сделал ее образцовой. И что же – те, о ком он так заботился, повернут оружие против него, про-

тив России? Это не укладывалось в голове, и великий князь, исподлобья глянув на Новосельцева, недовольно буркнул:

– Померещилось, что ли?

– Никак нет, ваше высочество, – храбро ответил генерал (о вспылчивом нраве сюзерена он знал не понаслышке, но дело было столь серьезно, что не до экивоков). – Имею сведения, что не сегодня завтра мятежники попытаются захватить резиденцию императорского наместника.

Захватить Бельведер? Константин Павлович фыркнул. Какой бред!

– Ты, Василий Панкратьевич, не выпался сегодня. Тут у нас, чай, не Франция.

– Так точно, не Франция, – ответил, не дрогнув, генерал. – Но бунтовать поляки умеют не хуже галлов.

– И что же ты предлагаешь?

– Объявить в Варшаве военное положение. Ввести в город дополнительные части и дать им приказ при малейших признаках беспорядков стрелять без промедления. Усилить сыскную деятельность. Установить личности заговорщиков и произвести аресты.

Меры были известные, и Новосельцев перечислял их без запинки. Константин Павлович слушал помощника с отрешенным лицом, а когда генерал умолк, вышел из-за стола и, засопев своим круглым, по-павловски вздернутым носом, произнес:

– На усобицу меня толкаешь? Хочешь, чтобы я подданных

государевых в штыки? Нет уж! Никакой стрельбы не будет. Войска, какие есть, из Варшавы вывести сей же час.

— Ваше выс...

— Молчи! Бойни не допущу. Я с поляками пятнадцать лет душа в душу живу, их интересы отстаиваю. Не за что им на меня обиду держать, понял?

— Понял, ваше высочество, — выдавил Новосельцев. — Только есть у меня сведения...

— Вот что, Василий Панкратьевич, сильно смахивают твои сведения на провокацию. И смысл этой провокации в том, чтобы заставить нас сделать ход первыми — начать аресты, учинить погромы. Тогда-то и будет повод для мятежа.

Великий князь сел за стол и придвинул к себе чернильный прибор. По лицу его было видно, что решение он уже принял — окончательное и бесповоротное.

— Никаких арестов. Никакой стрельбы. Будем ждать. Авось пронесет. Верю: поляки не осмелятся пойти на меня войной.

Так он сказал тогда и совершил страшную ошибку. Поляки осмелились — подняли в Варшаве вооруженное восстание. К Бельведерскому дворцу стали стекаться отряды бунтовщиков, Константин Павлович видел их из окон. Кольцо вокруг резиденции русского наместника стягивалось, а он все никак не мог поверить, что происходящее не грезится ему в кошмарном сне.

Накануне из Петербурга прибыл нарочный с пакетом от

императора. Николай требовал доложить обстановку, спрашивал, не нужна ли помощь. Константин Павлович, поколебавшись, отписал брату, что помощь не требуется, все в порядке и лучше было бы понапрасну не трепать полякам нервы – пошумят и успокоятся. Великий князь понимал, что Николаю сейчас не до Польши – Россию в буквальном смысле лихорадило: началась холерная эпидемия, от которой погибли уже десятки тысяч человек. В народе распространились слухи, будто это лекари по злому умыслу сеют заразу. Еще летом Константин Павлович узнал, что в Севастополе при попытке выселить людей в карантинные лагеря взбунтовались матросы и мастеровые, был убит военный губернатор. Теперь же императорский курьер принес весть о том, что связанные с холерой беспорядки вспыхнули в Поволжье. В Тамбове пятитысячная толпа мещан разгромила больницу и захватила губернатора.

В стране, разгороженной карантинными кордонами, воцарилась атмосфера, близкая к панической. А тут еще и Польша! Нет, Константин Павлович считал себя не вправе отвлекать внимание императора на варшавские волнения и очень надеялся, что они утихнут сами собой.

Надеждам не суждено было оправдаться. Днем 17 ноября в залу Бельведерского дворца ворвался растрепанный Новосельцев.

– Ваше... – проговорил он, задыхаясь, и рванул ворот мундира. – Ваше высочество, вам надо немедленно скрыть-

ся!

– Скрыться? – переспросил Константин Павлович, и в груди заныло от нехорошего предчувствия. – Куда скрыться? Зачем?

– Сейчас они будут здесь. Дворец окружен. Если не хотите попасть в плен – бегите!

Генерал говорил прямо, отбросив придворную дипломатию. До великого князя наконец дошло, что святая вера в польскую лояльность пошла прахом.

– Они все-таки посмели... – прошептал он, прижавшись лбом к холодному витражному стеклу. – Как же так? За что?

– Некогда разбираться, ваше высочество. Бежим! Слышите? Они уже на лестнице!

Через распахнутые парадные двери в зал проник тяжелый топот многочисленных ног. Судя по звукам, по лестнице поднимался целый отряд. Константин Павлович схватился за висевший у пояса пистолет.

– Не отобьемся! – замотал головой Новосельцев. – Там толпа, и все вооружены. Бежим через заднюю дверь! У черного хода мои люди.

Вдвоем они выбежали из зала, генерал запер дверь снаружи. Константин Павлович, на счету которого было участие в Итальянском и Швейцарском походах Суворова и во всех антинаполеоновских войнах, не испытывал страха, но никак не мог избавиться от растерянности и досады.

– Николай... сволочь! – произнес он сквозь зубы, спуска-

ясь вслед за Новосельцевым по черной лестнице, и громко выматерился.

Новосельцев пропустил слова начальника мимо ушей – во-первых, момент был такой, что с уст могло сорваться что угодно, а во-вторых, Константин Павлович при нем нередко отпускал крепкую ругань по адресу самых высоких особ императорского двора. Подобные вольности водились за великим князем с детства, когда он слыл крайне дерзким ребенком. Правда, государя Константин Павлович не ругал при посторонних никогда. Знать, допекло...

Великий князь был в самом деле зол на венценосного младшего брата. Еще как зол! Если с Александром у него сложились близкие, дружеские отношения (Александра он уважал, считал блестящим правителем самого высокого мирового уровня), то Николай не вызывал ничего, кроме разочарования. Так быстро утратить позиции в Европе, расшатать страну... Александр в гробу переворачивается от стыда за бездарные деяния преемника. Что хорошего сделал Николай для России за эти пять лет? Выиграл войну с турками? Велика заслуга! Турки никогда не умели воевать, да и разгромил их не император, а Дибич с Витгенштейном, честь им и хвала. А Николай... С ним не считаются ни в Англии, ни во Франции, ни в других мало-мальски значительных державах. Вот и поляки, почуяв слабинку, решили порвать узду.

Возможно, Константин Павлович в своих категоричных оценках был не совсем справедлив, но сейчас, когда он в

спешке стучал каблуками по ступеням и чувствовал спиной приближение мятежников, ему было не до объективных суждений. Николай – шляпа, безмозглый солдафон, окруживший себя бездарями и не видящий, что творится у него под носом. И если поляки отрежут у него свой ломоть территории – поделом! Он, Константин, и пальцем не пошевелит, чтобы помочь удержать Варшавское герцогство.

Мысли эти, смешанные с обидой и гневом от испытанного унижения, толкались в голове великого князя. Он уже не следил за ними, забыв о своей роли наместника и превратившись снова в того необузданно-капризного подростка, который кусал руки воспитателям и дурным голосом вопил: «Гады!.. Все гады!»

– Ваше высочество, – проговорил на бегу Новосельцев, – не прикажете ли послать гонцов в Модлин и Замостье? Пусть готовятся к обороне.

– Нет! – отрывисто бросил Константин Павлович. – Никаких боев! Пусть поляки берут, что хотят. Это их города, их земля...

Выскочили на улицу. У задней стены дворца топтались лошади, всадники в русских мундирах взмахивали саблями. Новосельцеву и Константину Павловичу подвели свободных коней.

– Ваше высочество, садитесь! Время...

Великий князь не заставил себя упрашивать. Когда он устроился в седле и взял в руки поводья, из-за угла появи-

лось несколько человек с ружьями наперевес. Грянули выстрелы, один из всадников застонал и повалился на холку своего коня. Новосельцев выхватил из ножен саблю.

– Вперед!

Отряд ринулся прямо на нападавших и смел их с пути. В этот момент распахнулась дверь черного хода, откуда только что выбежали генерал с наместником, и Константин Павлович, обернувшись, увидел, как из дворца валом поперла вооруженная орда. Выстрелы затрещали беспорядочно и торопливо. Одна из пуль вжикнула над ухом великого князя.

– Ваше высочество, не отставайте!

Великий князь не отставал. Понимание реальности совершающегося в Варшаве переворота овладело его сознанием. И все же он не стал вынимать пистолета – только сжал покрепче руками поводья и вслед за Новосельцевым, скакавшим во главе отряда, свернул в боковую улочку, туда, где проще было затеряться. Некоторое время сзади доносились звуки погони, но генерал, ловко лавируя в хитросплетениях городских предместий, сумел сбить мятежников со следа.

– Оторвались, ваше высочество! Теперь можно передохнуть.

Константин Павлович не отозвался. Безмолвный, будто и не замечающий ничего вокруг, он сидел в седле, и *павловское* лицо его было мрачнее самых черных туч, которые заволокли небо над варшавскими окраинами.

Пролог второй, лаконический

Из «Новой рейнской газеты»

(№ 17 от 17 июня 1848 года):

«...Суверенный народ Берлина вчера снова сделал фактическое напоминание о своей первой революции. Если бы только правительство оказало насильственное сопротивление, то у нас была бы вторая революция. Днем народ уже снял железные решетки с двух порталов дворца, разбил их и бросил в Шпрее, а вечером произвел нападение на цейхгауз, чтобы достать оружие. При этом гвардейцы стреляли в народ. Двое были убиты, двое ранены.

По всем улицам уже прозвучал призыв к мести. На Кенигштрассе и Лейпцигштрассе были построены баррикады, причем были использованы проезжавшие мимо экипажи, которые народ тут же останавливал и опрокидывал. Между тем гвардейцы изменили линию своего поведения: народ уже не видел перед собой врага. Солдаты присоединились к восставшим. Все единодушно считали, что необходимо свергнуть правительство. Народ слишком ненавидел реакцию...»

Глава первая.

Простреленная афиша

Тост за Гофмана. – «Лютер унд Вегнар». – Загадочный человек Андрей Еремеевич Вельгунов. – Путешествие по Европе. – Чем опасен Берлин. – Бокал вина и американская сигара. – Жандармская площадь. – Необычная пара. – Смерть, в которую трудно поверить. – Дом на Фридрихштрассе. – Веселая песня об отсутствии денег. – Анита приходит в ужас. – Кое-что о кулачном бое. – Неожиданный визит. – Экипаж у крыльца. – Извозчик по имени Гюнтер. – Максимов попадает в ловушку.

– Говорят, в этом ресторанчике любил сживать сам Гофман, – сказал не без благоговения господин Вельгунов и поднял бокал, наполненный красным вином. – Ну что, Анна Сергеевна, выпьем за бессмертную душу гения?

– За бессмертную душу гения не выпить грех, – улыбнулась Анита, и бокалы, соприкоснувшись, тонко звякнули.

Маленький ресторан «Лютер унд Вегнар», расположенный на Жандармской площади в центре Берлина, был стар, темен и навевал мысли о бренности всего земного. Сидя за столиком, Анита оглядывала ветхие, державшиеся на честном бургерском слове стены, мебель, помнящую, вероятно, еще времена славного победителя французов и турок Карла

Пятого, мутные оконные стекла в расхлябанных рамах и понимала, что ресторанчик доживает свои последние годы.

– Гофман? – переспросила она, пригубив вино. – Боюсь, Андрей Еремеевич, для нынешнего поколения немцев это не повод, чтобы устраивать здесь музей. Для них Гофман был всего лишь камергером, чиновником, советником апелляционного суда. Многие уже и не помнят такого имени.

– Увы! – грустно согласился Вельгунов. – Знаете, что написано на его памятнике? «Отлично исполнял обязанности чиновника». И только потом – «Был поэтом, художником, музыкантом». Чудовищная нелепость!

«Нелепость», – подумала Анита. Но разве все, что происходит в Германии, не есть одна сплошная нелепость? На сравнительно небольшом, сопоставимом с какой-нибудь русской провинцией участке земли толкутся, бодаясь между собой, четыре десятка государств. Хорошо хоть, не триста, как было в начале века!

– О чем задумались, Анна Сергеевна? – спросил Вельгунов.

С ним Аните было просто и весело. Познакомились они недавно, дней пять тому назад: он сам подсел за ресторанным ужином к незнакомой паре и, пользуясь свободой местных нравов, без лишних церемоний представился: «Андрей Вельгунов, русский дворянин. Вы только что из России – угадал? Будем знакомы».

Алекс тогда набычился, стал разглядывать незнакомца с

подозрением, но Анита привычным движением толкнула мужа в бок и ответила молодому вихрастому брюнету с красивыми серыми глазами: «Да, мы из России. Меня зовут Анна... Анна Сергеевна. Правильнее – Анита, но я привыкла и так... Я родом из Испании, пусть вас это не удивляет. А это мой супруг – Алексей Петрович Максимов, инженер».

«Вы в Берлине по делам?» – спросил Вельгунов, по-своему протягивая Максимову руку.

«Нет, просто путешествуем... Засиделись дома, решили развеяться».

Так и познакомились.

С тех пор как Алекс, пресыщенный усердной службой на благо Отчизны, вышел в отставку, у супругов Максимовых появилось достаточно свободного времени. Стеснения в средствах они не испытывали – две деревни в Псковской губернии, доставшиеся Алексу от родителей в качестве свадебного подарка, приносили пусть не астрономический, но вполне сносный доход. Максимовы жили большей частью в Петербурге, однако дом снимали скромный, прислуги сверх меры не держали, салонов не устраивали, и Анита обнаружила, что сэкономленных денег, хранимых по настоянию Максимова в Государственном коммерческом банке, вполне довольно для того, чтобы совершить давно задуманную поездку по Старому Свету.

Вельгунов оказался первым русским, которого они встретили после того, как в середине ноября 1848 года приехали

в Берлин. Они не собирались задерживаться здесь надолго – неделя, максимум полторы, – однако обстановка в Пруссии была более чем напряженной, и Вельгунов посоветовал землякам не торопиться.

– Вы куда направляетесь? В Париж? Успеете. Делать там зимой все равно нечего. Отсидитесь лучше в Берлине, тут, по крайней мере, все уже успокоилось. А германская провинция еще бунтует: в Эрфурте, я слышал, на днях были новые столкновения демонстрантов с войсками.

– Но я не хочу торчать всю зиму в Берлине! – заявила Анита. – Этот город всегда навевал на меня тоску.

– Я не говорю, что вам нужно сидеть здесь до весны, – сказал Вельгунов. – Подождите хотя бы с месяц. Думаю, к Рождеству страсти поутихнут. Хотя должен вам заметить, господа, время для осмотра европейских красот выбрано вами крайне неудачно.

Для Аниты эти слова не стали откровением. Она знала, что Европу уже без малого год сотрясают революции, но все же уговорила Алекса не откладывать отъезд. В самом деле – сколько можно откладывать! Ехать собирались еще полтора года тому назад, но у Алекса, как всегда некстати, нашлись важные дела. Вот и дотянули...

– Неужели это так опасно? – спросила она Вельгунова.

– Как вам сказать... Было опаснее.

По словам Андрея Еремеевича, все началось с «картофельных бунтов» – в апреле прошлого года простолюдины

громили на улицах Берлина продовольственные лавки и высаживали стекла во дворце прусского престолонаследника. Тогда-то впервые прозвучало слово «революция». Берлинские события нашли отклик в других германских городах. В Пруссии разыгралась настоящая буря. В марте начались бои между столичными ремесленниками и королевскими частями, охранявшими дворец.

– Поверьте, было неприятно, – сдержанно сказал Вельгунов. – Стрельба длилась почти сутки, погибло, по слухам, около пятисот человек. Король проиграл сражение, и войска покинули город. Я видел, как на баррикадах праздновали успех. Но король и финансовая верхушка совершили ловкий маневр: объявили о создании нового, будто бы демократического, правительства, портфели в котором получили местные буржуа. Смешно было наблюдать, как вчерашние бунтовщики братались с вернувшимися в город королевскими гвардейцами, которых призывали будто бы для охраны революционного порядка.

– Ничего смешного в этом не нахожу, – проворчал Максимов.

Он смотрел на Вельгунова искоса. Андрей Еремеевич оказался не таким уж молодым, как предполагала Анита вначале. В Германии он жил с конца тридцатых годов, то есть десять лет, и был когда-то вхож в знаменитый своими свободолобивыми идеями кружок Станкевича, собиравшийся на полуподпольных берлинских квартирах. Максимов, чьи по-

литические взгляды отличались умеренностью, Станкевича и прочих вольнодумцев не любил, считал, что они подрывают государственные устои. Потому и к Вельгунову отнесся настороженно.

– Что вас, собственно говоря, держит за границей? Вы не служите, не учитесь... Почему вам не вернуться в Россию?

– Я давно подумываю об этом, Алексей Петрович, – ответил добродушно Андрей Еремеевич, не замечая или делая вид, что не замечает, неприязни со стороны собеседника. – Я достаточно надышался европейским воздухом, пора навесить родные пенаты. Вот досмотрю здешнее представление и вернусь.

– Разве оно еще не закончилось?

– Нет, – хитро прищурился Вельгунов и принялся раскуривать одну из своих бесчисленных сигар (курильщик он был заядлый). – В начале ноября король издал указ о роспуске прусского Учредительного собрания, с которым демократы связывали надежды на реформы. Незадолго до вашего приезда в Берлин оно было окончательно распущено, и теперь в городах Пруссии поднимается очередная волна протеста. Так что мое предупреждение вам относительно того, что по немецким дорогам сейчас путешествовать небезопасно, не лишено оснований. Конечно, ваше дело, прислушиваться к нему или нет, но я бы не стал рисковать. Подумайте об Анне Сергеевне...

– Алекс только обо мне и думает, – поспешила вставить

Анита, видя, как все больше хмурится лицо мужа. – Мы благодарны вам за заботу, Андрей Еремеевич, и не станем пренебрегать вашими советами. Мы здесь люди новые, многого не знаем...

– Ну и сколько же продлится эта неразбериха? – спросил Максимов.

– Не так долго, как может показаться, – ответил Вельгунов, выпуская кольцо дыма. – В Берлине поговаривают, что уже в начале декабря следует ожидать судьбоносных решений со стороны прусского короля. Фридрих-Вильгельм – человек неглупый, он понимает всю серьезность сложившейся обстановки и знает, что надо как можно скорее выпустить пар из котла.

– Что здесь подразумевают под судьбоносными решениями?

– Конституцию. Лучшего громоотвода не придумаешь. Народ встретит ее ликованием, революция сойдет на нет, и вы сможете спокойно продолжить путешествие по Старому Свету.

Анита недоверчиво качнула головой.

– Как все просто...

– Просто? – Вельгунов вынул сигару изо рта и посмотрел на собеседников со всей серьезностью, словно раздумывая, можно им доверять или нет. – В том-то и беда, сударыня, что политические события непредсказуемы.

Андрей Еремеевич явно чего-то не договаривал. Анита

попыталась вызвать его на откровенность, но он заторопился и, извинившись, сказал, что ему нужно идти. Так закончился их первый разговор.

С тех пор они виделись каждый день. Ресторанчик «Лютер унд Вегнар» чем-то привлекал Вельгунова, он сживал там часами. Аните тоже понравилось это маленькое тихое заведение, от которого веяло вековой древностью. Там они встречались за бокалом бургундского – чаще всего вдвоем, поскольку Максимов нашел в Берлине другую компанию, чьи интересы были ему ближе. Когда Анита узнала, где супруг пропадает целыми днями и чем занимается, она пришла в ужас, но Алекс был непреклонен: со свойственным ему упрямством он заявил, что ему приятнее *такое* времяпрепровождение, нежели беседы с каким-то проходимцем весьма подозрительной политической ориентации. Анита сочла за благо не спорить – Алекс предоставил ей полную свободу действий, и она ею довольствовалась.

– Признайтесь честно, Анна Сергеевна, – сказал однажды Вельгунов, положив ладони на дубовый столик, на котором так романтично горели свечи в старинных канделябрах, – ваш муж ревнив?

– Алекс? Что вы! Он мне доверяет. Будь он ревнивцем, мы бы не ужились. Я ведь по происхождению испанка, а испанцы свободолюбивы, как никакая другая нация.

– Хотите сказать, что господин Максимов смотрит на наши с вами флиртовые беседы сквозь пальцы?

– Помилуйте, Андрей Еремеевич! – засмеялась Анита и щелкнула ногтем по пустому бокалу. – Я не усматриваю в наших беседах никакой фривольности. Сплошная политика, к которой я, признаться, не испытываю ни малейшего интереса.

– То-то я вижу, что вы скучаете! Все: с этой минуты ни слова о политике. Поговорим о чем-нибудь другом. О литературе, например. Вы знаете, я ведь был знаком с Шамиссо.

– Правда?

– Это было в первый год моего пребывания в Германии. Мы виделись несколько раз в салоне фон Энзе. Очень милый салон – хозяин прекрасно говорил по-русски, обожал Лермонтова, Пушкина и Гоголя. У него собирались многие здешние знаменитости.

– Шамиссо... – проговорила Анита, воскрешая в памяти все, что знала об этом писателе. – Он сочинил роман о человеке, продавшем дьяволу собственную тень.

– Да. И не только. Шамиссо был прекрасным поэтом, географом и естествоиспытателем. К сожалению, наше знакомство длилось недолго, он вскоре умер.

Непонятное волнение овладело Вельгуновым. Он допил вино и достал из кармана портсигар.

– Вы не будете возражать, если я закурю?

– Вы забывчивы, как мой Алекс, – сказала Анита. – Мы ведь договорились, что вы имеете право курить в моем присутствии, когда вам вздумается.

– Вы очень любезны, Анна Сергеевна. – Андрей Еремеевич сунул сигару в рот, нагнулся над столом и по-простецки прикурил от горевшей на столике свечи.

Посетители ресторанчик не баловали – видимо, со времен Гофмана он перестал пользоваться популярностью, и здесь всегда было малоллюдно. Анита усматривала в этом только преимущество – к чему лишний шум?

Сегодня, впрочем, она чувствовала себя в окружении темных стен, на которых колеблющимися кляксами расплывались свечные блики, как-то некомфортно. А когда над столом поплыл табачный дым, ей и вовсе сделалось дурно, стало тяжело дышать.

– Извините, Андрей Еремеевич, я, пожалуй, выйду.

Она поднялась из-за столика, взяла свой ридикуль. По телу разливалась слабость, и Анита дала себе слово впредь не увлекаться хмельными напитками. Прав Алекс: надо почаще бывать на свежем воздухе и посвящать время занятиям, более полезным для здоровья.

– Вы на улицу? – спросил Вельгунов. – Я с вами. Действительно, здесь стало... душно.

Они вышли из ресторанчика. Стояла стылая, характерная для поздней средневропейской осени погода: ветер раскачивал в воздухе мелкую, почти не осязаемую взвесь – нечто среднее между дождем и снегом. Анита закуталась в бобровую шубку (все-таки шубы в Московии делают на совесть!) и опустила на лицо вуаль. По площади сновали прохожие

и катились пролетки. На первый взгляд, Берлин жил мирной жизнью, ничто не напоминало о драматических событиях, которые, по словам Андрея Еремеевича, еще не закончились.

– Приглядитесь внимательнее, – сказал Вельгунов и вытянул вперед руку с сигарой. – Видите на той стороне поваленную афишную тумбу? Две недели назад здесь была перестрелка, и ее использовали в качестве укрытия.

Анита пригляделась и на поверхности тумбы, на размокшей афише, кричавшей о скором приезде в Берлин какого-то Горди Хаффмана, увидела несколько рваных пулевых отверстий.

– Революция продолжается, сударыня...

К ресторанчику подъехал изящный двухместный экипаж. Из него вышел высокий щеголь в черном пальто и лакированном цилиндре, из-под которого выглядывали каштановые кудри, завитые *a la Byron*. Он в почтительной позе встал у подножки и помог спуститься своей спутнице – даме лет тридцати. Анита невольно остановила взгляд на этой паре. Одежда дамы представляла собой странное сочетание современной практичной моды и тех немислимых платьев, которые носили в годы наполеоновского диктаторства: огромный, как купол Кельнского собора, подол начинался прямо под пышным бюстом незнакомки, до этого же места, которое следовало называть талией, доходил и видневшийся из-под шубки шейный разрез, перевитый кокетливыми шнуточ-

ками. Голову дамы венчал похожий на морскую раковину чепец с разноцветными лентами, развевавшимися подобно флагам. В руке она держала крохотный парусиновый зонтик, совершенно непригодный для защиты от атмосферных осадков и больше походивший на рапирную гарду, прикрывающую руку фехтовальщика.

Щеголь в цилиндре захлопнул дверцу экипажа, и парачинно прошествовала в «Лютер унд Вегнар».

– Кто это? – спросила Анита.

– О, это известные люди! – сказал Вельгунов, затянувшись дымом. – Барышню зовут мадемуазель Бланшар. Она француженка, живет попеременно то в Париже, то в Берлине. В литературном мире известна под псевдонимом Элоиза де Пьер. Такой знак уважения к Пьеру Абеляру, от которого она без ума.

– Она писательница?

– Довольно успешная. Ее романы вошли в моду года три тому назад. Я читал один... Написано бойко, не без таланта, но я не поклонник дамского стиля.

– Вот как? – Анита взглянула на закрытую дверь ресторана. – О чем же она пишет?

– Любовь, Анна Сергеевна, любовь! О чем еще может писать женщина? Что делать, лавры мадам де Сталь и Жорж Санд заставили многих девушек взяться за перо. Однако, в отличие от произведений этих двух представительниц большой литературы, книги мадемуазель Бланшар кажутся мне

чересчур легкомысленными. Слишком много в них надуманных авантюр, которых не бывает в жизни. В светских кругах она слывет большой оригиналкой – об этом вы могли судить по ее облачению. Страстная охотница до разного рода приключений, которые чаще всего сама и выдумывает.

– А кто ее спутник?

– Гельмут Либих, племянник знаменитого химика Юстуса Либиха, того, который занимается разработками специальных веществ для повышения урожаев. Очень доходное направление современной науки. Гельмут поставил дядины открытия на коммерческую основу, и дела у него идут неплохо. Сами видели, какой фронт! С мадемуазель Бланшар его связывает больше чем дружба – они помолвлены и готовятся к свадьбе.

– Занятная парочка... Интересно, что привело их в этот скромный трактир?

– Не знаю. – Вельгунов опустил руку с сигарой, уперся взглядом в опрокинутую афишную тумбу и продолжал говорить как будто по инерции. – Мадемуазель Бланшар из породы тех людей, которых можно встретить где угодно. Если вы поживете в Берлине подольше, то наверняка еще увидите ее, причем там, где меньше всего ожидали бы увидеть...

Андрей Еремеевич поднял руку, но поймать ртом конец сигары не успел. По телу его прошла судорога, и он прислонился спиной к дверному косяку. Серые глаза застыли.

– Что с вами? – испугалась Анита.

Вельгунов в ответ не издал ни звука и, выронив сигару, сполз по косяку на тротуар.

* * *

Остановившись в Берлине, Анита и Максимов не стали селиться в гостинице, а сняли небольшую квартирку в доме на Фридрихштрассе. Хозяин, пожилой австриец, чей отец воевал когда-то в Силезии, в славной армии Фридриха Гогенцоллерна, с гордостью продемонстрировал постояльцам заржавленную саблю и помятый прусский шлем. Аниту это богатство оставило равнодушной, а Максимов с уважением потрогал шлем и после признался жене, что лишь врожденный такт помешал ему спросить, не от русского ли палаша пострадал данный раритет.

В квартире, кроме кухни, спальни, гостиной и комнатки для прислуги, имелся маленький закуток, который Максимов объявил своим рабочим кабинетом. Там и застала его Анита, вернувшись поздно вечером. Алекс сидел за столом и, склонив голову так, что видны были только уши и затылок, что-то старательно писал.

Анита тихо вошла в кабинет.

– Алекс, ты занят?

– Угу, – откликнулся он.

– Может, отвлечешься на минутку?

Рука с пером остановилась, и Максимов, собравшись с

мыслями, спросил:

– Где ты была так долго?

– В полиции, – устало ответила Анита и села на кожаный диван.

– Где?

– В полиции... Алекс, повернись же, наконец, я не могу общаться с твоей спиной!

Максимов бросил перо, но не повернулся, продолжал сидеть лицом к окну.

– Позволь узнать: что ты делала в полиции?

– Давала показания.

– Тебя что, арестовали? По какому поводу?

Максимов не выдержал, вместе с жалобно заскрипевшим стулом развернулся, и Анита увидела его лицо. Увидела и в ужасе всплеснула руками.

– Dios mío, Алекс! Что случилось?

Левая бровь Максимова была кое-как заклеена пластырем, а под глазом виднелся неумело замазанный пудрой громадный синяк.

– Ты попал в уличную потасовку? На тебя напали?

Максимов смущенно закричал, встал из-за стола и, переместившись на диван, уселся рядом с женой. Попытался обнять ее за плечи, но ей было не до сантиментов. Отстранив протянутые для объятий руки, она коснулась пальцами его лба.

– Кошмар! Где ты набил такую шишку? Говори же, в кон-

це концов!

– Дорогая, я все объясню. Мои друзья... те господа из Вольного гимнастического клуба, о которых я тебе рассказывал... преподали мне несколько уроков английского бокса. Ты не представляешь, какое это увлекательное занятие!

– Теперь представляю. *Es increible!*¹ Русский дворянин занимается боксом! Чем, скажи на милость, может привлечь воспитанного человека такая варварская забава?

– Нелли, ты не права, – мягко проговорил Максимов и взял супругу за руку. – Ты ничего не знаешь о боксе. Это целая философия, и я уверен, что скоро она завоюет мир.

– Это будет жутко! Ты хочешь сказать, что все вокруг начнут разбивать друг другу носы? Это же зверство, Алекс, самое настоящее зверство! И ты – ты в нем участвуешь?

Позапрошлой зимой Максимов возил жену в Тверскую губернию, в свое родовое поместье, и там она стала свидетельницей кулачного боя «стенка на стенку», когда на льду речки, делившей деревню пополам, сошлись десятка четыре здоровенных мужиков и начали дубасить друг друга по-чем зря. Анита, оцепенев, смотрела, как со смачным шлепаньем впечатываются в скулы пудовые кулачищи, как выполняют из общей свалки поверженные гладиаторы с разбитыми в кровь губами, и это зрелище ввергло ее в шок. Она в сердцах сказала мужу, что Россия – страна диких гуннов, но он, разозлившись, ответил, что в Испании варварских обычаев

---

¹ Невероятно! (*исп.*)

не меньше – одна коррида чего стоит. Потом, когда эмоции остыли, Анита признала, что погорячилась, однако с тех пор при всяком упоминании о кулачном бое к горлу у нее подступала тошнота.

Поэтому, когда Алекс сказал ей, что познакомился в Берлине с людьми, открывшими боксерский клуб, ее это не обрадовало. Любоваться, как добропорядочные с виду господа колошматят друг друга кулаками в толстых кожаных рукавицах... Что за удовольствие!

– Лучше бы ты ходил на шахматные сеансы. Говорят, в Берлине есть несколько известных маэстро... Ты же так любишь умственные упражнения!

– Умственные упражнения должны дополняться физическими, – изрек Максимов. – Навыки бокса никому не повредят. Как я уже сказал, бокс перестал быть обыкновенной дракой. Теперь он стал чем-то сродни тем же шахматам, в нем есть своя стратегия, своя тактика. Если бы ты хоть раз пришла на показательные выступления в клуб, ты бы сама в этом убедилась.

– Идти в клуб?! Мне довольно вида твоей физиономии.

– Это от неопытности, – сказал Максимов, досадливо поморщившись. – Даю тебе слово, что через неделю-две я буду боксировать не хуже здешних любителей.

– А если тебя покалечат?

– Боксерские бои сейчас ограничены строгими условиями. После того, как десять лет назад были приняты «Прави-

ла лондонского призового ринга»...

– Лучше не продолжай! – Анита поднесла пальцы к вискам, делая вид, будто хочет заткнуть уши. – Не хочу слушать.

– Хорошо, не буду, – кротко согласился Максимов и, поймав супругу за запястье, поцеловал ее раскрытую ладонь. – Тогда расскажи, как ты оказалась в полиции. По всему видеть, твоя история похлеще моей.

– Я тут ни при чем, – сказала она и откинулась на спинку дивана. – Сегодня на моих глазах умер Вельгунов.

– Как?!

Анита рассказала обо всем, что произошло возле ресторана «Лютер унд Вегнар». Максимов удивленно присвистнул.

– Так просто: взял и умер? От чего?

– Я дождалась результатов вскрытия. Судебный врач сказал, что причиной смерти стала остановка сердца.

– Но ты не поверила? Признайся!

– Трудно поверить, что у внешне здорового, нестарого еще человека вдруг по естественным причинам останавливается сердце. Я сразу подумала об отравлении и сказала об этом герру Ранке.

– Ранке? Кто это?

– Полицейский, которому поручено расследовать вельгуновское дело. Старичок с седыми бакенбардами, очень хорошо говорит по-французски. Мы долго разговаривали, и он убеждал меня, что мои подозрения необоснованны.

– Почему он так уверен?

– Полицейские эксперты сразу же изъяли бутылку с остатками вина, которая стояла на нашем столике. Содержимое проверили в лаборатории, никаких признаков отравы не нашли. Кроме того, есть еще одно важное обстоятельство: из этой бутылки мы пили вместе, а я, как видишь, жива.

– Сигара! Ты сказала, что перед смертью он курил сигару.

– По моей просьбе исследовали и окурок, который выпал у него из руки. Самая обычная американская сигара, никаких посторонних примесей.

– Ошибиться не могли?

– Это лишь предварительные исследования, ручаться нельзя. – Анита прикрыла глаза, новая загадка уже поселилась в ее голове. – Герр Ранке обещал перепроверить.

– Ты уже и с немецкой полицией успела сдружиться! – проговорил Максимов с некоторым недовольством.

– Тебя что-то не устраивает? Приличные люди, неглупые, обходительные. Не то что твои... как их?... боксмейстеры.

– Вообще-то, они называют себя на английский манер – боксеры. И не говори о них так пренебрежительно: они тоже в большинстве своем умные и образованные. Среди них есть пять студентов университета, один ученый-физик и два...

– Алекс!

– Ладно, молчу. Не выпить ли нам чего-нибудь?

– Разве что чаю.

Максимов позвал Веронику, служанку, отправившуюся с господами в далекий путь по Европе, а Анита, полулежа на

диване и сложив руки на груди, стала думать. Мысли вертелись вокруг сегодняшнего происшествия. Белое лицо Вельгунова... неестественно вывернутые в предсмертной судороге кисти рук... тлеющая сигара на тротуаре...

Узнать бы поподробнее, кто он был, этот Андрей Еремеич Вельгунов. За пять дней знакомства и разговоров о политике он ничего почти не рассказал ни о своем прошлом, ни о настоящем. Говорил только, что отправился в Европу за знаниями, учился в Мюнхенском университете, потом переехал в Берлин. И все. Больше никаких сведений. Чем же он занимался здесь? Десять лет бродил по улицам и любовался готической архитектурой?

От размышлений Аниту оторвала донесшаяся из передней тягучая мелодия. Хозяин квартиры был неравнодушен к технике и снабдил свое жилище различными приспособлениями. Так, вместо традиционного колокольчика над входной дверью висело прикрепленное к стене устройство, переделанное из старой шарманки. Посетители должны были крутить ручку, и квартира оглашалась звуками популярной немецкой песенки «О, мой милый Августин». Анита часто слышала эту песенку в исполнении уличных шарманщиков и хотела узнать, о чем в ней поется.

– Это очень веселая песенка, фрау Анна! – жизнерадостно объяснил хозяин. – «О, мой милый Августин! Денег нет, девушек тоже нет... О, мой милый Августин, все прошло, как дым!» Правда, забавно?

Анита осторожно кивнула, согласившись, что да, отсутствие денег и девушек – это, конечно, забавно. С тех пор звуки этой веселой песенки, которую механизм шарманки превращал во что-то хриплое и заунывное, всякий раз заставляли ее задумываться о своеобразии немецкого юмора.

В кабинете появился Максимов. Он успел отлепить пластырь, и ссадина на брови предстала во всем своем багрово-фиолетовом великолепии.

– Нелли, кто-то пришел. Пойду открою.

– Не смей! – подпрыгнула Анита. – Вдруг это благопристойные люди, а ты в таком виде... Пусть Вероника откроет.

Загремел замок, дверь, отворяясь, скрипнула, и через минуту Вероника, войдя в кабинет, доложила:

– Там какая-то барыня. Кого спрашивает – не понимаю.

Анита, недовольная тем, что покой нарушен, поднялась с дивана. Кого там еще принесло?

Она вышла в переднюю и увидела даму, которую покойный Вельгунов отрекомендовал ей утром как известную писательницу мадемуазель Бланшар.

Удивленная неожиданным визитом, Анита вежливо наклонила голову, стараясь угадать, на каком языке предпочитает разговаривать эта красотка.

– Добрый день! – сказала мадемуазель Бланшар по-французски и мило улыбнулась.

– Добрый день. Вы ко мне?

Мадемуазель была одета так же, как утром, не было только

шубки на плечах и игрушечного зонтика в руке. Теперь Анита могла разглядеть ее диковинное убранство вблизи и целиком. Да, такие наряды увидишь нечасто. Рукава были похожи на два раздувшихся пузыря, а с боков и вниз, по подолу, на платье были нашиты шелковые банты в виде бабочек с расправленными крыльями. Стоило мадемуазель Бланшар сделать незначительное движение, как весь этот роскошно-комический убор начинал шелестеть, словно березовая роща, потревоженная ветром.

– Простите за вторжение, – сказала гостья голосом бархатным и немного *лисьим* (Анита сама умела так разговаривать и хорошо понимала значение различных голосовых оттенков). – Не откажите в любезности: мне нужно с вами поговорить. Желательно наедине. Это займет не более десяти минут.

– Извольте, – ответила Анита без раздумий. – Идемте в гостиную.

Она пошла впереди и мимоходом показала кулак Максиму, который выглядывал из кабинета. Алекс намек понял и скрылся прежде, чем мадемуазель Бланшар заметила его пострадавшую вследствие боксерских тренировок внешность.

Гостиная была скромной – как по размерам, так и по обстановке. Немец-механик не имел никакого представления об изяществе, эстетический вкус у него отсутствовал напроочь. Массивные деревянные кресла, громоздкий стол, годящийся скорее для пивной, и несколько шкафов с грубой

отделкой – вот и вся мебель. Анита предложила гостье сесть. Мадемуазель Бланшар, подобрав свои пышные юбки, опустилась в кресло, но тут же подскочила, потому что дверцы ближайшего шкафа с грохотом распахнулись и оттуда на широком подносе выехал целый кукольный оркестр, немедленно грянувший «Августина».

– Mon Dieu! Что это?

Анита рукой затолкнула поднос с музыкантами обратно в шкаф и поспешила захлопнуть дверцы. Оркестр обиженно всхлипнул, и мелодия оборвалась.

– Не обращайтесь внимания, это... В общем, издержки технического мышления.

– О, я люблю технику! – защелбетала мадемуазель, успокоившись. – Но еще больше я люблю искусство. Прошу прощения за нескромность, вам, может быть, известно, кто я такая?

– Известно. Вы – Элоиза де Пьер, автор популярных романов.

– Неужели мои книги читают и в России?

Анита насторожилась. Дамочка изображает набитую дуру, но очень неумело.

– Откуда вы узнали, что я из России?

– Это ведь не тайна, правда? Мне сказал герр Ранке, мы с ним немного знакомы. Меня тоже допрашивали сегодня в полиции по поводу смерти бедного мсье Вельгунова. К сожалению, я не смогла сказать ничего существенного. Мы с... с моим другом зашли в «Лютер унд Вегнар» совершенно слу-

чайно, мне ужасно захотелось пить, и это было первое заведение, которое встретилось нам на пути. Обычно я хожу в более дорогие рестораны...

– Понимаю, – прервала Анита поток бесполезных слов. – Стало быть, вы знали мсье Вельгунова?

– Не очень близко, но... Андре был обаятельным человеком, и его нелепая смерть меня просто по-трясла.

Мадемуазель Бланшар выглядела совсем расстроенной, но ее последняя реплика вдруг царапнула Аниту. Экстравагантная кокетка была знакома с Вельгуновым? Почему же тогда... Нет, об этом спрашивать рано.

– Вы что-то хотели сказать мне? – Анита участливо положила свою смуглую ладонь на белую холеную руку гостьи.

– Да... То есть я хотела не сказать, а спросить. Я видела вас вдвоем с Андре у ресторана, вы разговаривали. Наверное, вы знали его лучше, чем я?

– Нашему знакомству меньше недели. Мы познакомились случайно – мсье Вельгунов любезно согласился стать нашим проводником по Берлину, подсказал, как лучше обустроиться, в каких лавках покупать продукты. Сказал, что делает это из уважения к землякам. Больше нас ничто не связывало.

Карие глаза мадемуазель Бланшар со спрятавшимися где-то в глубине зрачками испытующе впились в Аниту. Наигранная легкомысленность во взгляде исчезла.

– Значит, вы его совсем не знали?

– Нет. – Анита с сожалением покачала головой.

Холодный оценивающий взгляд она выдержала спокойно. Напряженность, мелькнувшая на лице мадемуазель Бланшар, исчезла. Кажется, поверила.

Выдержав паузу, Анита решила перейти в наступление:

– Мне тоже безумно жаль, что все так вышло. Говорят, остановки сердца иногда случаются от душевного перенапряжения... Скажите, а кем он был – мсье Вельгунов?

Писательница поправила шнуровку на платье, ответила ровно и бесстрастно:

– Не знаю. Андре не любил рассказывать о себе. Обронил только однажды, что служит по дипломатической части.

– Может быть, я могу чем-то вам помочь?

– Нет-нет. Спасибо. – Мадемуазель Бланшар зашуршала юбками и поднялась. – Извините, что оторвала вас от дел. В этом разговоре не было необходимости, но я не сумела справиться с нервами. Надеюсь, вы не станете сердиться на меня.

– Я провожу вас. – Анита тоже встала, задела локтем шкаф, и оттуда опять вывалились со своим фальшивым дребезжанием дурацкие деревянные скоморохи.

Женщина с вычурным псевдонимом Элоиза де Пьер торопливо отступила в прихожую.

– Не затрудняйте себя, я выйду сама. До свидания!

Пока Анита, шепча под нос нехорошие слова, запихивала развеселых клоунов в шкаф, в передней щелкнула дверь, и каблук мадемуазель Бланшар застучали по лестнице. Анита бросилась к окну. У крыльца стоял знакомый экипаж.

– Алекс!

В гостиной появился встревоженный Максимов. Анита за руку подтащила его к окну.

– Видишь эту коляску?

– Вижу.

– Мне нужно, чтобы ты проследил за нею до того места, где сойдут ее пассажиры. Или пассажирка.

– Что? Ты шутишь?

– Шутки в сторону! Сейчас из нашего дома выйдет дама в карнавальном платье с бантами. Я хочу знать, куда она направится.

– Нелли, у меня нет твоих талантов, я никогда не мечтал стать сыщиком...

– Не скромничай! Я бы сделала все сама, но она знает меня в лицо. Вот, она уже выходит! Быстрее!

– Она сейчас уедет, – проговорил растерявшийся Максимов. – Как же я ее догоню?

– Ты что, слепой? На той стороне улицы стоят два извозчика. Бери любого и езжай следом.

– Я плохо владею немецким...

– Алекс!!

Экипаж, в который села мадемуазель Бланшар, уже отъехал от дома. Максимов проглотил окончание фразы и поспешил исполнить приказание: выбежал на улицу и прыгнул в одну из колясок, стоявших напротив. Анита видела, как дремавший на козлах извозчик в залатанной зеленой курт-

ке, скроенной, по всей вероятности, из выброшенного кем-то старого камзола, встрепенулся и, оглянувшись на невесть откуда взявшегося седока, хлестнул кнутом серую в яблоках кобылу.

* * *

Кучер Максимову достался понятливый — выслушав короткую речь на отвратительном немецком, он сразу смекнул, что от него требуется, и пустил свою лошаденку вскачь по берлинским мостовым. Вид пассажира с рассеченной бровью и синяком под глазом не слишком его удивил. Очевидно, в извозничьей практике бывали случаи и пооригинальнее. Сообщив зачем-то, что его зовут Гюнтер, он взмахнул кнутом.

Экипаж мадемуазель Бланшар они настигли быстро. Максимов придержал расстаравшегося возницу за локоть: дескать, догонять не нужно. Тот понимающе кивнул, и лошадь пошла тише.

Ехали долго. За несколько дней, проведенных в Берлине, Максимов не успел как следует выучить его географию и скоро потерял представление о том, по каким улицам они едут. Мимо мелькали незнакомые дома, церкви, дворцы, выстроенные в стиле барокко. Наконец экипаж мадемуазель Бланшар свернул в узкую, загроможденную домами улочку и остановился.

– Стой! – скомандовал Максимов извозчику.

Он вышел из коляски, приказал ждать и, спрятавшись за угол, стал наблюдать за остановившимся экипажем. Мадемуазель Бланшар самостоятельно сошла с подножки и направилась к крыльцу невысокого особняка. Подойдя к двери, она позвонила в колокольчик (как показалось Максиму, условным сигналом: раз, два, раз-два, раз-два), и через некоторое время дверь открылась. Мадемуазель Бланшар немедленно переступила через порог и исчезла в доме. Дверь закрылась, Максимов услышал, как загремели изнутри засовы. Экипаж тотчас тронулся с места и, проехав вдоль по улице, свернул в боковое ответвление.

Подождав, Максимов осторожно отделился от стены и, оглядываясь, пошел к особняку. Улочка была пустынна, ни души вокруг. Максимов приблизился к крыльцу дома, где скрылась мадемуазель Бланшар, и попытался прочесть медную, позеленевшую от времени вывеску, висевшую над дверью. Что-то про пиво... «Пивовар Шмидт»?

Гм, любопытно, что понадобилось мадемуазель в этом доме? Максимов взглянул на особняк повнимательнее. Старинное, порядком облупившееся здание с высокими окнами, напоминавшими крепостные бойницы. Чем-то грозным веет от этих стен. Анита наверняка сказала бы, что чует опасность.

Отставной майор Максимов мнительностью не отличался. Отойдя от двери и убедившись, что поблизости по-прежнему

му нет никого, он предпринял попытку заглянуть в нижнее окно особняка. Сделать это оказалось непросто – окно было расположено на высоте трех – трех с половиной аршин, пришлось цепляться руками за карниз и подтягиваться. Стараясь производить как можно меньше шума, Максимов напряг руки и, приподнявшись над землей, заглянул внутрь дома. Напрасные старания – окно было наглухо занавешено плотными непрозрачными шторами.

Досадно... Опустившись на тротуар, Максимов снова подошел к двери. Позвонить? Анита не одобрит. Она просила всего лишь проследить за экипажем. Неясно только, зачем. Опять какая-нибудь затея...

Так или иначе, свою задачу он выполнил, можно возвращаться. Приняв решение, Максимов повернулся спиной к крыльцу, и в тот же миг дверь за ним распахнулась. Сделать он ничего не успел – две могучие клешни вцепились ему в плечи, а в ноздри ударил резкий приторно-сладкий запах. К лицу прижали влажную тряпку. Максимов замычал, отчаянно дернулся, но мышцы мгновенно сковала слабость, сознание затуманилось.

Больше он не помнил ничего.

Глава вторая. Три зашифрованных письма

В темнице. – Максимов чувствует себя беспомощным. – Обитатели подвала. – Лицо в оконном проеме. – Бежать! – Стресс как средство для повышения аппетита. – Ветеран берлинской полиции Рихард Ранке. – Пренцлауэрберг. – Ани-та нарушает закон. – Надпись на воротах кладбища. – Библиотека Вельгунова. – Содержимое тайника. – Старик-испанец. – Люди, которые ни во что не верят. – Путь к разгадке. – «Передайте через Пабло». – Скамья в Аллее тополей. – Пожар. – Еще одна нить оборвана.

Свет в каморку пробивался сквозь пыльное, затканное паутиной оконце. Максимов открыл глаза, шевельнулся и прикусил губу от боли в запястьях, накрепко стянутых веревками. Не менее надежно были связаны лодыжки. В таком положении он, по всей вероятности, пробыл долго – тело затекло, кровь пульсировала судорожно и остро.

Сверху на лицо капала холодная вода. Максимов откатился в сторону и попробовал сконцентрироваться.

Типичная западня. Угодил он в нее глупо, и по этому поводу теперь сетовать бесполезно. Что случилось, то случилось. Ситуация осложнялась тем, что он понятия не имел,

кто его пленил и с какими намерениями. Он не знал даже имени женщины, за которой был послан следить. И все это по милости Аниты, которой ни с того, ни с сего вдруг в очередной раз вздумалось поиграть в сыщиков. Максимов вспомнил, чем оборачивались предыдущие приключения, и вздохнул. Не кончится это добром, ох, не кончится...

Каморка, судя по всему, – подвал. Сыро и холодно, свет сквозь окошко просачивается сверху вниз. Максимов взглянул на полукруглый проем, забранный деревянной решеткой. Решетка – пустяк, даже отсюда видно, что планки прогнили, выломать их не составит труда. Проем неширок, но при известной сноровке через него можно протиснуться наружу. Осталась ерунда – избавиться от веревок.

Максимов оглядел подвал и приуныл. Голые стены, маленькая дверца и никаких предметов, если не считать истлевшего соломенного тюфяка в углу.

Света было немного, быстро темнело, короткий ноябрьский день уже заканчивался. Максимов лежал на мокром каменном полу и дрожал от холода. Из-за пределов подвала не доносилось никаких звуков, зато совсем близко, под полом, что-то шебуршало. Крысы?

Так и есть! Шорох стал слышен отчетливее, и Максимов вздрогнул, ощутив мягкое прикосновение к ноге. Этого еще не хватало... Он вжался в стену, заерзал, но крыс это не напугало. Они деловито сновали по полу, обнюхивая неожиданную находку. В лицо беспомощно лежавшего человека

ткнулись жесткие смрадные усы, обнаженную руку, на которой задрался рукав, обжег укус колких, как шипы, зубов. Максимов, не выдержав, вскрикнул, стал извиваться, стараясь отогнать от себя мерзких тварей.

Вдруг ему почудилось, что кто-то зовет его снаружи. Рванувшись изо всех сил, он сумел приподнять верхнюю часть туловища над полом, сел и привалился спиной к шербоатой стене. В оконце мельтешила едва различимая в вечерних сумерках тень. Максимов сразу забыл о крысах, затаил дыхание.

Несильный удар – и стекло, вывалившись из гнилой рамы, звякнуло о плиты. Крепкая рука ухватила за решетку, качнула ее вперед-назад, и прутья с хрустом рассыпались, словно были сделаны из перепеченного теста. В освобожденный проем просунулось обрамленное рыжей бородой лицо.

– Гюнтер!

Извозчик скорчил гримасу, долженствовавшую означать, что нужно вести себя тихо, и попытался протиснуться внутрь подвала. Однако окно оказалось для его тела слишком узким – «пивной» живот едва не застрял, словно пробка в бутылочном горлышке.

– Не надо! – громким шепотом произнес Максимов. – Останься там... Лучше позови кого-нибудь на помощь.

Сказал по-русски, потому что те немногие немецкие слова, которые знал, выветрились из головы. Гюнтер досадливо скривился – мол, не понимаю, – и его добродушно-озабочен-

ная физиономия исчезла из пределов видимости. Максимов испугался: неужели уйдет?

Но через минуту-другую в окне снова замаячил знакомый силуэт, и на пол подвала со стуком упал металлический предмет. Максимов, извиваясь, добрался до него, дотянулся пальцами рук. Нож! Ай да умница этот берлинский кучер! Теперь нужно изловчиться и перерезать веревки.

Задача оказалась не из легких, но Максимов справился с нею — до боли в запястье изогнул кисть руки и перепилил свои тугие путы. С наслаждением стряхнул их на пол и несколько раз согнул и разогнул руки в локтях, чтобы восстановить нормальное кровообращение. Разрезать веревки на ногах было уже делом пустяковым.

Крысы, смирившись с тем, что добыча ускользает, разбежались по норам. Максимов с ножом в руке встал на ноги. Постоял, прислонившись к стене и успокаивая бешено колотившееся сердце. Все в порядке, не надо нервничать. Самое трудное позади, дело за малым.

Он вернул нож ждавшему под окном Гюнтеру и ужом скользнул в проем. Успел похвалить себя за то, что за годы отставки и благополучной семейной жизни не разъелся, остался стройным. Торчавшие в проеме обломки решетки зацепились за пальто... Проклятье!

Гюнтер, едва различимый в сгустившейся темноте, схватил его за руки, стал отчаянно тянуть наружу. Пальто трещало, но не поддавалось.

– Стой! – сказал Максимов. – Подожди, я сейчас...

Кое-как протиснувшись обратно в подвал, он решительно сбросил с плеч мешавшую верхнюю одежду. Мгновение подумав, сбросил еще и жилетку, остался в одной рубашке.

– Тяни!

Перевода не потребовалось. Гюнтер снова ухватил своего незадачливого пассажира за обе руки и мощным рывком выдернул его из подвала, как репу из земли. Они вдвоем полетели на тротуар. Гюнтер упал удачно – плечом, а Максимов, не успев подобраться, крепко приложился лбом, аж искры из глаз посыпались. Вот невезение-то...

Ладно, одной шишкой больше, одной меньше. Поднявшись, он дернул Гюнтера за руку.

– Куда?

Тот показал рукой вправо и приложил палец к губам: тише! На улице стемнело окончательно, с неба сыпалась колючая снежная крупа. Максимов сообразил, что подвал находится в том самом доме, возле которого он так по-детски попался в западню. Вслед за Гюнтером он обогнул здание с торца и увидел знакомое крыльцо. Окна были темными, единственным источником света оставался газовый фонарь, горевший в самом начале улицы, на повороте. Под фонарем стояла коляска. Безмолвный Гюнтер потащил спасенного русского к ней. Максимов, прерывисто дыша, бежал за своим благодетелем.

Вскочили в коляску. Гюнтер, не теряя времени, взмахнул

кнутом. Лошадь рванулась с места, и коляску вынесло на ярко освещенный проспект. Максимов оглянулся, сзади не было никого. Уф-ф! Пронесло...

– Danke, – проговорил он, обратившись к кучеру. – Спасибо, друг... Выручил.

Гюнтер не слышал его. Под drobный перестук копыт он хлестал свою серую, и она, как заправский призовой рысак, мчалась по улицам.

* * *

Мелодия «Августина» ударила по ушам резко и оглушительно. Это было самое дикое и какофоническое ее исполнение, какое Аните когда-либо доводилось слышать. Звонкок-шарманка захлебывался, неистово хрипел и кашлял, проглатывал звуки и целые такты, словно стремясь побыстрее сломаться и навек отделаться от заученного музыкального сопровождения к душещипательной истории об отсутствии денег и девушек.

Анита выбежала в переднюю, столкнулась там с Вероникой. Они одновременно дотянулись до засова, толкаясь, открыли дверь.

– Алекс! Это ты?

Максимов с разукрашенным синяками лицом, в разорванной местами рубашке, посиневший от холода, стоял у порога и яростно крутил рукоятку. Звонкок, теряя голос, обессиленно

сипел.

– Хватит, Алекс, успокойся!

Максимов позволил втащить себя в квартиру и только тут начал приходить в чувство.

– Анна, ты даже не знаешь, в какую переделку меня угораздило попасть...

Из того, что он назвал супругу Анной, а не, как обычно, Нелли, следовало, что во всем случившемся виновата именно она.

– Алекс, где ты был? Я жду тебя весь вечер, хотела бежать в полицию... Где твоё пальто? Ты же мог простудиться!

– Это было бы самое пустячное, что могло со мной случиться.

И он здесь же, в передней, в присутствии насмерть перепуганной Вероники, поведал историю своих злоключений. Анита слушала и теребила концы шейного платка, что являлось признаком волнения и напряженных раздумий.

– Если бы не этот рыжебородый парень, я в лучшем случае до сих пор валялся бы в подвале вместе с крысами. А в худшем... Черт знает, что могло быть в худшем. И все из-за твоих фантазий!

Лицо Аниты даже не дрогнуло.

– Из-за моих фантазий? Во-первых, раз тебя связали и посадили в подвал, значит, мои фантазии не лишены оснований. Мадемуазель Бланшар или тем людям, к которым она приехала, есть чего опасаться. А во-вторых, я не просила те-

бя заглядывать в чужие окна. Я сказала тебе: проследи за экипажем и запомни, где он остановится. Больше ничего. Ты невнимателен, Алекс, от этого все твои несчастья. – И прежде чем он успел возразить, она распорядилась: – Отложим разговоры. Сейчас будем ужинать. Вероника накроет на стол, а ты вымойся и смени одежду. От тебя слишком пахнет... крысами.

От пережитого у Максимова разыгрался буйный аппетит и не менее буйное воображение. Поглощая купленную в ближайшем трактире жареную колбасу, он выдвигал версию за версией:

– Меня заметили из окна. Выжидали момент, когда я повернусь спиной... Потом хотели дожидаться темноты и утопить в каком-нибудь из местных каналов... Но не это важно. Ты права: нашей мадемуазель есть чего бояться. Причем причины для страха настолько серьезны, что я мог заплатить жизнью. Кто она такая, эта фанфаронка?

– Знаменитая писательница и невеста химического фабриканта, – ответила Анита, сидя напротив и рассеянноковыряя вилкой в тарелке. – Вполне благополучная во всех отношениях особа.

– Зачем она приходила к тебе?

– Сама не понимаю. По-видимому, хотела узнать, что связывало меня с покойным Вельгуновым. Этот вопрос почему-то очень ее волнует. Я ответила ей правду, а вот она, похоже, соврала – сказала, что была хорошо знакома с ним. Ес-

ли так, то почему, проходя мимо него, она не поздоровалась и даже не кивнула? Я стояла рядом и видела: у нее был совершенно отсутствующий взгляд. Да и Вельгунов, когда рассказывал мне о ней, не упомянул о том, что знаком с нею лично.

– Может, просто не захотел откровенничать?

– Нет, о мадемуазель Бланшар он рассказывал охотно. Кажется, он видел в ней только сочинительницу пошлых книжонок, которая из кожи вон лезет, чтобы прослыть оригинальной. Не думаю, что у него могло быть с ней что-то общее.

– И все же от этого предположения нельзя отказываться. Откуда ты знаешь, что у него было на уме, у этого Вельгунова? Он с самого начала показался мне подозрительным.

– В том-то и беда, что я ничего о нем не знаю. Ясно одно: между его смертью и твоим похищением существует связь. Так что, Алекс, пострадал ты не напрасно.

– Спасибо, утешила, – сказал Максимов и, вспомнив о том, как его обнюхивали грязные вонючие крысы, отодвинул тарелку. – Что ты намерена делать дальше? Рассказать о моих приключениях полиции?

– Я не хочу вносить сумятицу в умозаключения господина Ранке. Пусть пока ведет самостоятельное расследование. Впрочем, завтра утром я собираюсь нанести ему визит, у меня есть вопросы. А ты...

– У меня занятия в клубе. Ровно в одиннадцать.

– Как, опять?

– Завтра я буду отрабатывать удар снизу в челюсть. Очень важный элемент в современной системе английского бокса.

– Алекс, ты на глазах превращаешься в пещерного человека. В один прекрасный день ты нацепишь на себя звериную шкуру и начнешь гоняться за мной с дубиной в руке.

– Дорогая, бокс вовсе не способствует превращению человека в дикаря. Наоборот – в известной степени облагораживает. Все боксеры, с которыми я общаюсь здесь, а среди них есть и немцы, и французы, и русские, так вот, все они – культурные люди. Да и в Англии бокс – это спорт джентльменов. Кстати, один из них скоро приедет в Берлин с выступлениями. Ты никогда не слышала о Горди Хаффмане?

«Горди Хаффман?» Анита на миг задумалась и вспомнила: это имя значилось на изрешеченной пулями афишной тумбе, которую ей показывал Вель-гунов.

– Кто он такой?

– Ну конечно! Ты же не читаешь газет и не ходишь в клубы. Горди Хаффман – великий боец, чемпион Лондона. Мастеров, которые с ним сравнятся, можно пересчитать по пальцам одной руки. Он уже гастролировал в Бельгии и легко одолел там всех конкурентов. Но здесь ему будет непросто: в Германии есть достойные соперники – например, Эрих Клозе, чемпион Берлина, или Юрген...

– Алекс, – сказала Анита, стукнув вилкой о стол, – мне нет дела до твоих Эрихов, Юргенов и Хаффманов. Я надея-

лась, что завтра, после моей прогулки к герру Ранке, ты покажешь мне тот дом, где тебе пришлось провести несколько незабываемых часов. Ты помнишь дорогу?

– Дорогу? Ну да, в общих чертах... Если что, Гюнтер поможет.

– Гюнтер?

– Его обычная стоянка как раз на нашей улице. Правда, через два дня он уезжает к себе в деревню, это под Штутгартом. Сказал, что вернется только через неделю. Жаль – отличный малый, на него можно положиться.

– Что ж, пока он здесь, пусть поможет. Когда ты завтра вернешься из своего вертепа?

– Часов около трех. У нас будет достаточно времени, чтобы проехаться в нужном направлении... Хотя, если честно, сегодняшних событий мне хватит надолго.

* * *

Трудовой стаж Рихарда Ранке в берлинской полиции приближался к трем десятилетиям. Годы, прошедшие с момента окончания Наполеоновских войн в Европе, выдались для Германии относительно спокойными: постепенно поднималась промышленность, был создан Таможенный союз, способствовавший развитию торговых отношений. Ранке старательно тянул свою лямку и рассчитывал благополучно дослужить до ухода в отставку, как вдруг ни с того ни с се-

го грянул бунт – и какой! Конечно, во всем были виноваты французы, эти вечные разносчики революционных эпидемий. Именно они, по мнению Ранке, занесли в германские государства вредоносные бациллы, приведшие к беспорядкам в Бадене, Кельне, Эрфурте... Стычки мятежников с полицией и армией на улицах Берлина произвели на почтенного стража имперской законности гнетущее впечатление. Прусский порядок, которым он, как истый немец, чрезвычайно гордился и который считал незыблемым, расползался, как старое, траченное молью одеяло.

Поговаривали о конституции, о желании короля пойти на уступки и даровать разбушевавшимся подданным права и свободы. Ранке такая перспектива настораживала. Каких еще свобод недостает немцам? Кажется, и так всего хватает. Впрочем, королю виднее, на то он и король.

Ранке никогда не пытался понять политиков, считая, что мозги у них устроены иначе, чем у обычных смертных, к которым он причислял и себя. Какое ему дело до политики – он сыскарь. Беда только, что и сыск в последнее время стал большей частью политическим. Поэтому работа, прежде доставлявшая Ранке удовольствие, стала утомлять и раздражать.

Дело русского эмигранта Вельгунова поначалу не заинтересовало его. Собственно, и дела-то никакого не было: ну, умер человек от сердечного удара, с кем не бывает. Однако такая простая, такая обыденная и потому кажущаяся наибо-

лее вероятной версия почему-то не устраивала бойкую женщину со смуглым лицом, назвавшуюся российской подданной, но говорившую по-французски с жестким южноевропейским акцентом. Так обычно говорят испанцы, привыкшие к своему раскатистому «р».

– Не понимаю, мадам, почему вы так убеждены, что господин Вельгунов был убит, – сказал Ранке, когда она пришла к нему утром, на следующий день после печального события у ресторана «Лютер унд Вегнар». – Вот медицинское заключение: Вельгунов скончался от паралича сердечной мышцы. Выпитый им бокал вина и выкуренная сигара могли в известной степени способствовать этому, но не думаю, что в их содержимом удастся найти какие-либо признаки яда. Хотя профессор Бернштейн по моей просьбе проводит углубленную экспертизу – не сомневайтесь, я привык все делать тщательно.

– Вы навели справки о Вельгунове?

– Он жил открыто, общался со многими, но никто из его приятелей не смог толком сказать, чем занимался этот человек и на какие средства существовал. Мы произвели обыск в его квартире в Пренцлауэрберге, нашли мало интересного: небольшой гардероб, библиотека с книгами на русском, немецком и французском, записная книжка с адресами берлинских кафе и театров. Вот, пожалуй, и все. Никаких писем, никаких дневников, никаких документов, кроме тех, что он имел при себе. Все, что удалось узнать, это то, что его

действительно звали Андрей Вельгунов и он приехал в Германию из России в середине тридцатых годов. Образ жизни, по всей видимости, вел праздный, каких-либо увлечений в Берлине не имел.

– И это не показалось вам странным? Человек не имеет в Берлине никаких увлечений и тем не менее живет здесь целых десять лет. Живет без заработка и даже, как я поняла, без банковского счета и все же позволяет себе каждый день обедать в ресторанах.

– К чему вы клоните?

Анита оставила вопрос Ранке без внимания. Своими догадками, если они у нее и появились, она не собиралась пока делиться с полицией.

– Где, вы говорите, он жил?

– В Пренцлауэрберге. Это такой берлинский район, там живут художники и сектанты.

– Интересно. Вы мне дадите точный адрес?

– Не понимаю, почему я с вами так откровенен? – пробурчал Ранке, подтягивая к себе чистый лист бумаги и обмакивая в чернильницу перо.

Анита невинно взмахнула ресницами.

– Может быть, потому, что я знаю об этом деле чуть больше вашего и вы надеетесь на мою помощь?

...Дом, где в свое время обосновался Андрей Еремеевич, стоял неподалеку от кладбища, обсаженного тополями. Среди могильных плит беззаботно играли дети. Анита взгляну-

ла на фасад. Неброское трехэтажное здание серого цвета, с квадратными окошками и чердачными надстройками наподобие мансард. Постояв, Анита вошла в него.

Квартира Вельгунова находилась на первом этаже. Никаких табличек, никаких номеров. На бронзовой дверной ручке болталась полицейская печать. Анита прислушалась к царившей в доме тишине и раскрыла свой ридикюль. Покопавшись в нем, она извлекла занятого вида металлическую загогулину – длинную, с многочисленными зубцами. То был так называемый «хитрый ключ», или «ключ от всех дверей», как называл его Максимов. Алекс, даровитый инженер, самолично сконструировал и изготовил его – это было давно, еще в России. Покуда супруг Аниты состоял на военной службе, чете Максимовых нередко приходилось переезжать с места на место, менять съемные квартиры и дома. Бывало, хозяева вручали жильцам целые связки ключей: от парадного и черного ходов, от собственно квартирной двери, от чердачных помещений и всевозможных чуланчиков. Максиму надоело возиться с этими тяжелыми гремящими гроздьями, вот он и выдумал свой «хитрый ключ», который с успехом заменял все остальные. Анита сразу оценила практическую изобретения Алекса и, разумеется, заполучила свой экземпляр, с коим никогда более не расставалась.

Хваленый немецкий замок поддался с первой же попытки. Анита сдернула пломбу и открыла дверь.

Воздух в квартире был спертым и затхлым – помещение

давно не проветривалось. Обстановка внутри напоминала интерьер логова флегматичного, ни в чем не нуждающегося сибарита. Тяжелая, темная, без особой роскоши мебель, мягкие объемные диваны, небрежно застеленные толстыми пыльными покрывалами, книжные полки с томами классиков. Анита взглянула на переплеты, провела по ним пальцем в белой перчатке и сделала вывод, что снимали эти книги с полок нечасто. Она взяла наугад одну – великолепное издание Гете с золотым тиснением на обложке. Страницы даже не разрезаны. Андрей Еремеевич при всей своей образованности библиофилом не был – книги в его апартаментах оставались мертвы и недвижимы, как каменные блоки, из которых сложены египетские пирамиды.

Анита быстро прошла по гостиной, заглянула в спальню. Судя по беспорядку, полиция рылась здесь без стеснения: одежда была вывалена из шкафов на пол, фарфоровые вазы составлены на письменный стол.

Она подошла к окну. Гардины были задернуты неплотно, сквозь щель виднелось кладбище. Своеобразное место выбрал господин Вельгунов, весьма своеобразное. Приглядевшись, Анита увидела на кладбищенских воротах длинную надпись по-немецки. Вернулась к книжным полкам и пробежалась глазами по названиям томов, отыскивая нужный словарь. Немецко-русского не нашлось, зато попался немецко-французский. Она сняла книгу с полки и снова подошла к окну.

К ее удивлению, три короткие фразы на воротах сложились в следующий текст: *«Творите здесь хорошую и красивую жизнь. Нет потусторонней жизни. Нет воскрешения»*. Ничего себе! Хорошенькое утверждение для протестантско-католической Германии.

Ставя словарь обратно, Анита обратила внимание, что на одной из полок пыли меньше, чем на других. Что здесь за книги? «Герой нашего времени», петербургское издание 1841 года. Анита взяла том в руки и убедилась, что Лермонтова Андрей Еремеевич почитывал, причем нередко – листы в книге были заметно истрепаны и захватаны. Анита бегло пролистала книгу, но ни закладок, ни пометок на полях не обнаружила. Если и были у господина Вельгунова тайны, то, похоже, он унес их с собой в могилу.

Разочарованная Анита бросила книгу на письменный стол. Ранке говорил о записной книжке, но полицейские, конечно же, забрали ее с собой. Делать тут больше нечего, пора уходить.

Большие настенные часы, оправленные в старинную рельефную бронзу, гулко пробили два. Пора – Алекс скоро вернется из своего клуба. Анита направилась к выходу, но вдруг остановилась и повернула голову. Часы. В комнате они были не одни. Вторые, поменьше и поскромнее, висели в углу. Они были сломаны, обе стрелки безжизненно застыли на цифре шесть, маятник молчал, а гиря отсутствовала вовсе, от нее осталась только металлическая цепочка, болтавшаяся

под круглым корпусом.

Странное дело: паутины на этих безмолвных часах было гораздо меньше, чем на тех, которые исправно отсчитывали время. Анита вернулась в комнату, положила ридикуль на диван.

На циферблате, под неподвижными стрелками, виднелась выгравированная надпись: «Nehmen Sie dies zur Erinnerung». «Возьмите это на память», – перевела Анита, сверившись со словарем. Очевидно, часы когда-то были сувениром.

Она протянула руку и, сама не зная зачем, стала вращать минутную стрелку. На третьем витке внутри часов что-то щелкнуло, и циферблат с легким скрипом отъехал в сторону, открыв в корпусе, среди шестеренок и рычажков, маленькую нишу, а в ней – бумажный сверток. Анита, волнуясь, взяла его и развернула.

Письма? Увы, взору открылись столбики цифр. Три листа бумаги, и на всех – цифры, цифры... Понять, что они означают, на первый взгляд не представлялось возможным.

И все-таки это уже зацепка. Анита спрятала найденные бумаги в ридикуль. Подумав, сунула туда же книгу Лермонтова. Трижды повернула минутную стрелку на часах в обратную сторону, и циферблат, щелкнув, встал на место. Теперь все.

Покинув квартиру Вельгунова, Анита вышла из дома и зашагала к кладбищу. Пожилой человек в фартуке, похожий на садовника, сгребал метлой мокрые прелые листья. За его

спиной, на одном из надгробий возились двое малышей, которым на вид было лет по пять. Один толкнул другого, и над кладбищем разнесся обиженный рев. Старик в фартуке обернулся и строго прикрикнул на детей:

– Basta! Esto es por demas!²

Анита мгновенно оказалась возле него.

– Вы испанец?

– Андалусиец, сеньора, – ответил старик, чинно поклонившись.

– Как же вы очутились в Берлине?

– Судьба, сеньора. Мы с вами, судя по всему, земляки, но я не спрашиваю, что занесло вас в этот город. Мир тесен, сеньора, а жизнь непредсказуема.

Последняя фраза, банально-философская, сразу отбила у Аниты охоту расспрашивать старика о его прошлом. По правде говоря, оно ее и не интересовало.

– Скажите, что это за кладбище?

– Это скорее, парк сеньора. Он называется Аллея тополей. Здесь неподалеку находится дом, где обосновалась община, которая отрицает все религии мира. Несколько лет назад один берлинский землевладелец продал ей задешево клочок земли... Странные люди, но ничего предосудительного за ними не замечено.

– Вы у них служите?

– Да, ухаживаю за парком: подметаю дорожки, слежу за

---

² Хватит! Это уже чересчур! (исп.)

деревьями, поддерживаю порядок. Парк, как видите, небольшой, работы немного, а платят хорошо. Почему бы не подработать?

– И давно вы здесь подрабатываете?

– Два месяца, сеньора, – сказал старик, и в его глазах неопределенного цвета под лохматыми бровями мелькнула настороженность: к чему незнакомка задает столько вопросов?

Легким кивком указав на дом, в котором только что побывала, Анита спросила небрежно:

– Я пришла навестить своего знакомого, а его нет... Он живет здесь, на первом этаже. Его зовут Андрей Вельгунов, он русский. Высокий, темноволосый, носит эспаньолку. Вы наверняка встречали его во дворе. Не могли бы вы передать ему, если увидите, что я заходила сегодня?

Теперь в глазах андалусийца в фартуке отобразилась не только настороженность, но и целая гамма других эмоций, в природе которых Анита разобраться не успела, потому что старик быстро отвернулся и, взявшись за метлу, пробубнил:

– Не знаю, о ком вы говорите, сеньора. Я тут человек новый, мало с кем знаком. Вам лучше спросить у соседей. Извините, сеньора, мне надо работать.

* * *

Когда Анита вернулась в квартиру на Фридрихштрассе,

Алекса дома еще не было. Вероника яростно надраивала полы и чертыхалась всякий раз, когда из шкафов, сервантов, а иногда прямо из стен выскакивали механические куклы и принимались за своего «Августина».

– Сил моих нет, Анна Сергевна! – пожаловалась она госпоже, заталкивая шваброй в шкаф дребезжавшего паяца. – Не дом, а балаган какой-то! Ежели хватит памяти, никогда больше на ярмарку не пойду.

Анита приказала согреть чаю и прошла в спальню, где было тихо и полутемно – идеальная обстановка для умственной работы. Сев в кресло, она разложила на коленях найденные в вельгуновской квартире бумаги и принялась их изучать.

Если предположить, что это шифрованные письма, то вполне вероятно, что цифры в левом углу каждого листа обозначают даты. На одном листе стояло «25.11.48», на двух других – «26.11.48». Двадцать шестое ноября 1848 года – вчерашний день, день смерти Вельгунова! Вполне возможно, это последнее, что он успел написать в своей жизни.

Далее следовала совершенно непонятная цифровая абракадабра. Числа, однозначные и двузначные, были выписаны в аккуратные столбики, в каждом столбике их было по три.

Анита вертела листки так и эдак, смотрела на свет. К шифру требовался ключ. Где его взять?

Вероника принесла на подносе чашку горячего чая и розетку с земляничным вареньем (о, русское варенье! Анита захватила с собой в поездку полугодовой запас) и неслышно,

на цыпочках, удалилась. Она знала: когда хозяйка морщит лоб и сердито поджимает губы, ее лучше не трогать. Ани-та, не глядя, зачерпнула серебряной ложечкой варенье, рас-сеянно лизнула и, погруженная в раздумья, даже не почув-ствовала вкуса.

Отчаявшись что-либо понять в вельгуновских записях, она отложила их в сторону и взялась за «Героя нашего вре-мени». Почему этот роман пользовался у Андрея Еремееви-ча такой любовью? Или он попал к нему уже потрепанным? Нет, не похоже. Все остальные тома на полках были новыми, как на подбор. Вельгунов был эстетом, едва ли он позарился бы на рваную подержанную книгу. Разве что она была доро-га ему как память. Но на переплете нет никаких дарствен-ных надписей, а сама книга отнюдь не из числа раритетов – у Алекса есть точно такая же, только почище и поприличнее. Он знал Лермонтова лично, воевал с ним на Кавказе и пото-му хранит эту книжку как зеницу ока, всюду возит ее с со-бой, хотя знает почти наизусть.

Анита перевернула несколько страниц, скользнула глаза-ми по первому попавшемуся абзацу.

«За неимением комнаты для проезжающих на станции, нам отвели ночлег в дымной сакле. Я пригласил спутника вместе выпить стакан чая, ибо со мной был чугунный чай-ник – единственная отрада моя в путешествиях по Кав-ка-за...»

Анита нахмурилась. В текст вкралась опечатка: вместо

«Кавказа» должно было стоять «Кавказу». Что ж, бывает – редкий автор застрахован от издательских оплошностей. Отхлебнув из чашки и подумав, что чай – отрада не только на Кавказе, она продолжила чтение.

«Сакля была прилеплена одним боком к скале; три скользкие, мокрые ступени вели к ее двери. Ощупью вошел я и наткнулся на крову...»

Вот напасть! «Крову» вместо «корову». Да в этом издании полно опечаток. Бедный Лермонтов... Анита закрыла книгу, потом раскрыла ее наугад где-то на середине и, прочитав несколько строк, вновь наткнулась на ошибку в слове.

В голове появилось... нет, не озарение – до озарения было еще далеко, – появились проблески, которые, подобно маякам в темноте, могли указать верный путь. Стараясь не спугнуть их, Анита стала торопливо рыться в саквояже Максимова. Где же?.. А, вот! «Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова. Часть I. Издание 2-е. СПб. В типографии Ильи Глазунова и К°. 1841». Анита сравнила обложки, следила выходные данные и убедилась, что книги идентичны. Но опечатки – откуда они? Она сама не раз перечитывала эту книгу из библиотеки Алекса и при всей своей наблюдательности типографских ошибок не находила.

Анита лихорадочно перевернула первые страницы тома, извлеченного из максимовского багажа, и убедилась, что в абзаце про чайник слово «Кавказу» написано правильно. Стала читать дальше. Опечаток не было!

Что за наваждение? Неужели экземпляры из одного тиража печатались с двух разных наборов? Не может быть!

Анита снова схватила листы с цифровыми комбинациями. Что, если первое число в каждом столбце обозначает номер книжной страницы? Допустим, вот это... Она раскрыла вельгуновскую книгу в самом начале. В таком случае второе число должно обозначать строку. Палец Аниты пробежался сверху вниз. Так... Что же означает третье число? Слово? Если выводы верны, в нем должна быть опечатка. Анита, сверяясь с написанными на листке цифрами, стала отсчитывать слова. Палец остановился на слове «черкесы». Никаких опечаток.

Анита в сердцах ударила ладонью по столу, и розетка с недоеденным вареньем, подпрыгнув, испуганно звякнула. В спальню вбежала услужливая Вероника, Анита раздраженным жестом отослала ее прочь и опять, уже в который раз, принялась гипнотизировать взглядом магические цифры.

Попробуем отсчитать строки не сверху, а снизу. А слова – справа налево... Есть! Палец уперся в слово «реглупый». «Преглупый народ!» – так было в оригинале. Значит, пишем букву «П». Анита схватила со столика карандаш и на полях валявшейся тут же франкоязычной бульварной газеты, рядом с заметкой о приезде в Виттенберг бывшей русской принцессы Анны Федоровны, вычертила нужную литеру.

Пользуясь тем же методом, Анита в драматическом диалоге между Печориным и Бэлой отыскивала еще одну опечатку

и вывела на газетных полях букву «О». Охваченная возбуждением, она забыла про давно остывший чай, про варенье, не слышала шарканья швабры в гостиной – сейчас для нее существовали только цифры и буквы. Шуршали страницы, скрипел карандашный грифель, буквы соединялись в слова, слова – во фразы. Покончив с первым письмом, датированным 25 ноября, Анита перевела дух и прочла получившийся короткий текст:

«Генералу Д. По моим наблюдениям, Смуглая и Долговязый опасности не представляют».

Смуглая? Анита бросила взгляд в висевшее напротив зеркало. Уж не ее ли имел в виду Вельгунов? На роль Долговязого вполне подходил Максимов. Получается, что Андрей Еремеевич не просто коротал время с соотечественниками, а прощупывал их, проверял на предмет опасности.

Анита взялась за второе послание. Оно состояло из двух предложений – не менее загадочных:

«Генералу Д. Срочно найдите данные на Толстого. Передайте через Пабло».

Толстый? Перед мысленным взором Аниты предстали те немногие, с кем она успела познакомиться в Берлине. Были среди них и толстяки, для немцев это обычная комплекция. Кого имел в виду Вельгунов – неизвестно.

Оставалась третья записка, она была самой длинной. Анита быстро расшифровала ее и в недоумении взялась рукою за лоб.

«Генералу Д. По мнению Пабло, сюрприз возможен в день Югендвайе. Жду дополнительных указаний. Заметил внимание к себе со стороны известных Вам особ».

Больше из записок ничего выжать не удастся. Остается только призвать на помощь логику и интуицию.

Анита еще раз прочитала все три письма. Лаконизм предельный. Понять смысл этих фраз мог только человек посвященный, каковым, очевидно, и является генерал Д., которому они адресованы. Что такое Югендвайе? О каком сюрпризе идет речь? Какие известные особы имеются в виду и в связи с чем? Наконец, кто такой Пабло, чье имя упомянуто дважды?

Имя испанское. В воображении Аниты возник старик-андалусиец в фартуке. То-то он так стремительно свернул разговор, когда она спросила его о Вельгунове. Проверить! Проверить немедленно.

Анита поспешно сложила бумаги в ридикюль, книги оставила на столике и столкнулась в дверях с вернувшимся из клуба Максимовым.

– Алекс, сколько можно ждать!

– Прости, родная. Удар снизу в челюсть не так прост. Чтобы освоить его в совершенстве, требуется терпение. – С этими словами он тронул распухший подбородок и потянулся к супруге, чтобы поцеловать ее, но она выскользнула из его объятий.

– Некогда, Алекс, некогда! Где твой Гюнтер?

– Я встретил его по дороге. У его тарантаса сломалась рес-
сора, он поехал в мастерскую Шульца, это в трех кварталах
отсюда.

– И когда он вернется?

– Обещал подъехать минут через сорок. Мы торопимся?

– Я бы не хотела задерживаться. Нам нужно заехать еще
в одно место... Ладно, подождем твоего Санчо Пансу. Сядь,
я тебе что-то покажу.

Максимов послушно сел в кресло, и Анита рассказала ему
о своем посещении квартиры покойного Вельгунова и о най-
денных там бумагах. Максимов отреагировал удрученным
вздохом.

– Ты вечно лезешь, куда тебя не просят. А если бы нагр-
нула полиция? Твоя репутация сильно упала бы в глазах гер-
ра Ранке, застань он тебя в опечатанной квартире.

– Алекс, твоя осторожность иногда бывает чрезмерной.
Подручные герра Ранке уже обыскали квартиру Вельгунова
и ничего в ней не нашли. Я исправила их ошибку – разве
плохо?

– Насколько я понимаю, ты собираешься держать свои от-
крытия при себе?

– Все будет зависеть от наших сегодняшних экскурсий.
Ну, где же твой Гюнтер?

Максимов выглянул в окно.

– Он уже приехал, можем выходить. Ты как хочешь, а я
прихвачу с собой пистолет.

Они вышли из дома. Гюнтер уже поджидал их, сидя на козлах.

– Отвези нас к Аллее тополей, – велела Анита, садясь в коляску. – Пренцлауерберг, понимаешь?

Она два раза повторила это длинное немецкое название, и Гюнтер понимающе цокнул языком. Серая кобыла рысью побежала по берлинским мос-товым.

Анита надеялась, что старик-испанец все еще подметает парковые дорожки. В крайнем случае, о том, где его найти, можно будет спросить у адептов странной секты, не признающей никаких богов.

Спрашивать не пришлось. Когда коляска подъезжала к воротам парка-кладбища, Анита увидела своего земляка – он, утомленный работой, сидел на низкой лавочке возле ограды. Рядом стояла метла. Гюнтер остановил лошадь, Анита, не дожидаясь Максимова, выскочила из коляски и скорым шагом пошла к старику. Он, казалось, дремал, откинувшись на спинку скамьи. Анита подошла к нему, взяла за руку, и из ее уст вырвался тихий возглас.

Подошел Максимов. Ему было достаточно одного взгляда на застывшее лицо старика.

– Не успели...

Аллея тополей была пуста, лишь откуда-то издалека доносились детские голоса. Анита беспомощно огляделась и заметила поблизости, возле дома, где жил Вельгунов, сутулого мужчину в черном пальто и надвинутом на лоб английском

котелке. Она шагнула в его сторону, намереваясь позвать на помощь, но он быстро юркнул за угол и исчез.

– Нужно позвать врача... Гюнтер!

Пока Анита вспоминала немецкие слова, Максимов обошел скамейку, на которой сидел мертвый старик, и присвистнул.

– Что там, Алекс?

– У него раздроблен череп. Хватили по затылку чем-то тяжелым.

Гюнтера отправили за врачом и за полицией. Когда он ушел, Анита схватила мужа за руку.

Не успел он опомниться, как оказался вслед за нею в доме, перед полуоткрытой дверью, под которой, на плетеном коврике, валялась полицейская печать. Та самая печать, которую Анита, уходя отсюда утром, искусно приладила на место.

– Прекрасно! После меня тут побывал еще кто-то.

В квартире Вельгунова царил ужасающий беспорядок. Складывалось ощущение, что на нее совершила налет банда вандалов: кресла и диваны были испорчены, книги разбросаны по полу, шкафы раскрыты настежь.

– А часы-то не тронули, – проговорила Анита вполголоса. – Не догадались...

Впрочем, если бы и догадались, толку не было бы никакого. Это она заключила уже про себя и потянула Максимова к выходу.

– Нелли, объясни мне, что происходит?

– Ничего сложного, Алекс. Личностью Вельгунова интересуемся не только мы с господином Ранке. Хорошо, что мне пришла в голову мысль зайти сюда раньше.

Мимо промчалась полицейская карета.

– Где Гюнтер? Надо срочно уезжать, пока к нам не привязались полицейские. Сейчас недосуг с ними болтать.

Гюнтер уже ждал своих пассажиров, предусмотрительно отогнав коляску подальше от Аллеи тополей.

– Молодец! – похвалила Анита, хотя он вряд ли ее понял. – Теперь вместе с Алексом вспоминайте дорогу. Навестим вашего знакомого пивовара, у которого в доме есть такой чудный подвал с крысами.

Дорогу Гюнтер помнил хорошо, подсказки не понадобились.

– «Кёнигштрассе», – прочитал Максимов на указателе. – Я помню эту улицу! Мы уже близко.

По обеим сторонам улицы виднелись обломки телег и экипажей – все, что осталось от баррикад, построенных городским людом в дни июньской сумятицы, закончившейся штурмом цейхгауза. Анита выглянула из коляски и разглядела поднимавшийся над крышами столб дыма.

– Что это? Снова восстание?

Навстречу, гудя рожком, летела запряженная парой пегих коней пожарная повозка с бочкой. Она скрылась за поворотом.

– Нам туда же, – произнес Максимов.

Свернули в боковую улочку, и Гюнтер резко натянул поводья. Вся проезжая часть была запружена людьми, среди которых выделялись, поблескивая касками, брандмайоры. Пожарных повозок здесь стояло целых три – их черным туманом заволакивал дым, валивший из окон особняка, который Максимов узнал с первого взгляда.

– Это он! Тот самый дом!

Гюнтер что-то пробормотал себе под нос по-немецки и набожно перекрестился. Из окон особняка вырывалось пламя, оно облизывало стены, поднималось вверх, к кровле, раскачивалось на ветру. Галдели зеваки, храпели лошади, переругивались пожарные.

Максимов хотел выйти из коляски и подойти поближе, но Анита удержала его.

– Сиди! Твои крысы уже сгорели.

Она смотрела на полыхавший огонь, и в груди ее шевелилась, закипала бессильная злость. Опять не повезло, еще одна нить оборвана.

Будучи не в силах сдерживаться, Анита громко – по-русски – выругалась.

Глава третья. Карета с зашторенными окнами

Любезность Ранке. – Вольная религиозная община. – «Ореховое дерево». – Разбитая бутылка дорогого вина. – Переполюх на Шарлоттенштрассе. – Полезные сведения о пивоваре Шмидте. – Особняк, не тронутый революцией. – Львы на барельефах. – Гельмут Либих нервничает. – Ключ в замочной скважине. – Правду говорить легко и приятно. – Биография Элоизы де Пьер. – Снова в Аллее тополей. – Английские рессоры. – Люди в белых одеждах. – Незнакомец.

Выслушав смуглую иностранку, седовласый Ранке удивленно заморгал и раскрошил в пальцах плитку жевательного табака.

– Пожар? Да, я что-то слышал вчера... Но это не мой участок, подробности мне неизвестны. Если хотите, могу уточнить. Для вас это имеет значение?

– У меня есть поручение к пивовару Шмидту, который жил в этом доме, – легко соврала Анита. – Его приятель из России просил передать письмо с рецептом нового тульского пива. А я теперь не знаю, жив ли этот пивовар и где его искать.

– Я выясню, – пообещал Ранке. – К сегодняшнему вечеру.

– Вы очень добры, – промолвила Анита, с застенчивой благодарностью опуская глаза. – Может быть, заодно вы выясните для меня подробности еще одного вчерашнего происшествия.

– Какого?

– Я говорю о смерти пожилого джентльмена в Пренцлау-ерберге. Он был в услужении у Вольной религиозной общины, подметал дорожки в Аллее тополей.

– Вам и это известно? – изумился Ранке.

– Я немного знала этого бедного старика, он мой земляк, испанец. Его неожиданная гибель очень огорчила меня.

– Я всегда говорил: революции развращают народ. За последний год Берлин превратился в разбойничий город, убивают теперь не только гвардейцев и мятежников на баррикадах, но и мирных обывателей. Представьте себе: этому старику кто-то проломил голову. Ума не приложу, кому и чем он помешал.

– Что о нем известно?

– Его звали Пабло Риго. Уроженец Севильи, в Берлин прибыл нынешним летом. Искал крышу над головой и заработок. Служители Вольной религиозной общины предоставили ему сторожку в Аллее тополей и предложили работу, которая его устроила. Нравом он отличался тихим и покладистым, работал исправно, без нареканий. Больше, пожалуй, ничего рассказать не могу. Наверное, все это вы знали и сами.

– Да, конечно... Скажите, а он все эти месяцы безвыездно жил в Берлине или куда-нибудь отлучался?

– Такими деталями я не располагаю, мадам, – вежливо сказал Ранке. – Если вам интересно, можете сами поговорить с его нанимателями.

– Вы имеете в виду господ из религиозной общины? Кто они? Я никогда раньше не слышала о них.

– В свое время, три года назад, они откололись от католической церкви и заявили о создании собственной организации. На мой взгляд, очень подозрительное общество: его члены напрочь отвергают всяческие вероучения, считают, что загробной жизни нет и, следовательно, получать удовольствие надо здесь, на земле, не теряя времени даром. Сами понимаете, от такого свободомыслия один шаг до неподчинения властям. Пока что они ведут себя тихо, но я подозреваю, что в недавних беспорядках в городе есть доля и их вины.

– Вся их деятельность сосредоточена в Аллее тополей?

– Да, там они устраивают свои собрания, проводят обряды. Один из таких обрядов называется Югендвайе.

– Как вы сказали?

– Югендвайе. Это такое посвящение юных членов общины во взрослую жизнь. Для берлинцев – просто развлечение. На нем присутствует почти вся молодежь Пренцлауэрберга и Кройцбурга. Приезжают и из других районов. Среди горожан, к сожалению, много людей неверующих или верую-

щих неискренне. Вместо того, чтобы ходить в церковь, они посещают подобные представления. Грустно, мадам... Нравственные устои рушатся на глазах. Христианские церкви, на мой взгляд, ведут себя очень вяло, это касается и католиков, и протестантов. Они больше заняты выяснением отношений между собой и не обращают внимания на то, что у них под боком распространяются вредные мысли, которые наносят ущерб всем, кто верует во Христа...

– Понятно, – прервала Анита грозивший затянуться монолог. – Прошу прощения, что оторвала вас от работы. Вы единственный человек в Берлине, на чью помощь я могу рассчитывать.

– Постараюсь вас не разочаровать, – галантно ответил Ранке. – У вас есть еще вопросы ко мне?

– Последний. Вы говорили, что среди вещей Вельгунова была найдена записная книжка с адресами ресторанов и кафе, где он любил бывать при жизни. А какие из этих заведений он посещал чаще всего?

– Его вспомнили в добром десятке кабаков, как дорогих, так и дешевых. Господин Вельгунов отличался разносторонностью вкусов. Чаще всего его видели в кабачке «Ореховое дерево», это на Шарлоттенштрассе, недалеко от театра. Я сам иногда бываю в этом заведении, его держит вполне приличная итальянская семья Леман-Карти... Что, смерть Вельгунова все не дает вам покоя?

– Я считаю, что мы еще не до конца разобрались в ее при-

чинах, – уклончиво ответила Анита и, попрощавшись, вышла.

Максимов ждал ее в коляске, верный Гюнтер восседал на козлах.

– С герром Ранке нам просто повезло, – сказала Анита, усаживаясь в экипаж. – Из него можно вытянуть любые сведения.

– Не удивляюсь, – проворчал Максимов. – Ты очаруешь даже мраморного истукана... Гюнтер, отвези меня в клуб, а фрау домой, на Фридрихштрассе. Анна, переведи ему!

По дороге Анита рассказала мужу о разговоре с Ранке. Максимов остался равнодушен.

– Он не сообщил тебе ничего нового.

– Напротив, он сообщил главное. Теперь я совершенно уверена, что старик в фартуке и Пабло, которого упоминает в зашифрованной записке Вельгунов, – одно и то же лицо. Раз так, значит, эти две смерти взаимосвязаны.

– Какую же связь между ними ты усматриваешь?

– Вельгунов был секретным агентом. Все, что нам известно, позволяет причислить этот факт к разряду очевидных. Судя по тому, что его донесения, которые мне удалось расшифровать, написаны по-русски, работал он на людей из России. Далее можно предположить, что это не просто люди, а представители официальных военных учреждений. Об этом свидетельствует обращение «Генералу Д.».

– Ты истолковываешь все слишком буквально, – возра-

зил Максимов. – В письмах использованы условные обозначения. Почему бы не предположить, что «Генерал Д.» – это всего лишь псевдоним неизвестного нам адресата, который может быть кем угодно: политическим заговорщиком, главарем шайки разбойников...

– Возможно, ты и прав, – согласилась Анита. – Но кем бы ни был этот человек, Вельгунов работал в Берлине по его заданию, выполняя секретную миссию. Суть ее мне пока неясна, но, думаю, она так или иначе связана с общиной безбожников, обосновавшейся в Пренцлауерберге. Недаром в записке упоминается Югендвайе и недаром Пабло устроился подметать Аллею тополей.

– Относительно Пабло у тебя тоже имелись предположения.

– Они с Вельгуновым работали в паре. Те, кто был заинтересован в немедленном прекращении их деятельности, избавились сначала от одного, потом от второго.

– Кто же они, их убийцы?

– Если бы я знала ответ на этот вопрос, расследование можно было бы считать завершенным. Пока в нашем распоряжении только фразы из письма о неких особах, чье внимание показалось Вельгунову подозрительным, и о человеке, которому он дал обозначение «Толстый», попросив своих хозяев срочно прислать сведения о нем.

– Он еще писал о сюрпризе, – напомнил Максимов. – Что бы это могло быть?

– Догадки, сплошные догадки! – вздохнула Анита, поправляя шляпку. – У нас есть только одна зацепка. Мадемуазель Бланшар. Не сомневаюсь, что она может пролить свет на интересующие нас события. Если, конечно, нам удастся вызвать ее на откровенность.

– Для начала ее надо найти.

– Она слишком известная особа, чтобы незаметно раствориться в воздухе... Вот и твой клуб, Алекс. Ты вернешься поздно?

– Постараюсь не задерживаться. Сегодня тренировки будут короткими. Завтра приезжает Хаффман, и в три часа пополудни в клуб придут мастера, с которыми он будет драться. Они хотят размяться, провести несколько показательных боев между собой. Вообще-то, интересно посмотреть...

– Как хочешь, – безразличным тоном бросила Анита. – Если тебе интереснее проводить время с грубыми мужланами, бьющими друг друга по лицу, чем со мной, то...

– Нелли!

– Ладно, ступай. Сегодня я обойдусь без тебя.

Когда Максимов, сопровождаемый столь неласковым напутствием, скрылся в клубе, Гюнтер развернул свою коляску, чтобы ехать на Фридрихштрассе. Однако Анита велела везти себя в другое место.

– Шарлоттенштрассе. «Ореховое дерево».

Приятно иметь дело с понятливым человеком. Гюнтер мигом домчал Аниту до нужного кабачка. Она минуту разду-

мывала, не попросить ли его подождать, но решила, что это будет уже слишком. Он ведь не ее крепостной кучер. Да и неизвестно, долго ли она здесь пробудет.

– Vielen Dank, – сказала она, выйдя из коляски. – Ich danke Ihnen für die Hilfe.³

По улице, именуемой Шарлоттенштрассе, вереницами текли люди. На миг Аните показалось, будто в толпе мелькнула знакомая сутулая фигура в черном пальто и котелке. Этого человека она видела вчера, недалеко от места, где был убит Пабло.

Поеживаясь от тревожных предчувствий, Анита вошла в кабачок. Его название объяснялось просто: несмотря на то, что Берлин расположен в северной части Европы, климат здесь довольно мягкий, и ореховые деревья на улицах – вовсе не редкость. Вот и возле одноименного ресторана они выросли небольшой рощицей, окружившей приземистое здание. Анита подумала, что летом эти деревья смотрятся, должно быть, очень мило и к тому же дают неплохой урожай грецких орехов. Еще одно ореховое дерево красовалось на вывеске над дверью, где был вход в кабачок.

Анита рассчитывала очутиться в мрачном, пропахшем пивом подвальчике, но «Ореховое дерево» оказалось весьма приличным, просторным и светлым ресторанчиком, куда не зазорно было заглянуть даже людям из высших кругов общества. Сев за свободный столик, Анита заказала себе чаш-

---

³ Большое спасибо... Благодарю вас за помощь (нем.).

ку кофе.

Теперь можно было подумать, зачем, собственно, она пришла сюда. Полюбоваться на стены, которые любил разглядывать Андрей Еремеевич? Пустая трата времени. Уединиться и собраться с мыслями? Проще всего это сделать дома, наказав Веронике не шуршать тряпками и не греметь ведрами. Зачем же?

Анита оглядела посетителей. Среди них наверняка есть завсегдатаи, они могли видеть Вельгунова, даже выпивать с ним. Ах, если бы она хорошо знала немецкий!

Анита просидела в кабачке минут сорок, выпила три чашки кофе и решила, что пора уходить. Хорошо бы успеть до темноты наведаться к Ранке, он обещал узнать насчет пивовара Шмидта.

К смуглолицей красавице подошли два не очень трезвых немца, о чем-то заговорили, ухмыляясь до ушей, но она окатила их таким ледяным взглядом, что они сочли за благо поспешно ретироваться.

Анита отодвинула чашку и собиралась подняться из-за столика, как вдруг дверь открылась и в кабачке появились новые посетители.

Мадемуазель Бланшар! Анита быстро опустила вуаль и, опершись локтями на стол, прикрыла лицо ладонями. Заметит или нет?

Мадемуазель вроде бы не заметила. Сопровождаемая своим статным спутником, в котором Анита узнала Гельмута

Либиха, химического дельца, чей знаменитый дядя успешно занимался научными изысканиями, писательница прошла в зал. Сегодня она была разодета так, словно собиралась на королевский бал. Ее фигуру облекало белое атласное платье греческого стиля с голубым, шитым золотом передником римского образца, завязанным сзади золотыми же кистями, с алым шарфом вокруг талии. Белые руки, обнаженные до плеч, были украшены жемчужными браслетами, а ноги обтянуты шелковыми чулками телесного цвета, причем ступни и икры, видневшиеся из-под приподнятого с двух сторон платья, были перевиты лентами, крепившимися к туфлям. Так одевались на приемах богатые француженки во времена консульства.

Оценив экстравагантность нового наряда госпожи де Пьер, Анита осторожно приподняла вуаль – так было удобнее наблюдать. Гельмут Либих усадил свою даму за столик, сел сам. Судя по той поспешности, с какой им принесли бутылку «Шато Марго», они бывали здесь часто. Гельмут сам разлил вино по бокалам, с восторженно-наивной улыбкой влюбленного повернулся к мадемуазель Бланшар.

Идиллия была прервана самым чудовищным образом. Один из клиентов кабачка, невысокий плотный здоровяк с длинными, пепельного цвета волосами и густыми бакенбардами, появившийся в зале всего за минуту до романтической пары, поднялся и выхватил из-под сюртучной полы револьвер. Под низкими сводами почтенного заведения грянул

гром. Бутылка «Шато Марго», стоявшая перед Гельмутом Либихом, разлетелась вдребезги. Мадемуазель Бланшар выронила бокал с вином и повалилась прямо на возлюбленного. Он успел бросить свой бокал на пол и подхватить ее. В следующую секунду пуля продырявила скатерть в нескольких дюймах от его руки.

Шокированная и оглушенная выстрелами публика на миг окаменела. Стрелявший сноровисто сунул револьвер обратно под сюртук, где, очевидно, имелась кобура, и бросился к выходу. Кто-то из мужчин попытался перехватить его, но здоровяк мощным, *профессиональным* ударом кулака смел его с дороги, опрокинул попавшийся на пути столик и под звон бьющихся об пол рюмок выскочил из зала.

Публика опомнилась, началась суматоха. Все взоры были обращены на мадемуазель Бланшар, которая неподвижно лежала на руках у Гельмута Либиха. Со всех сторон неслись крики:

– Schnell einen Arzt! Gibt es hier einen Arzt?⁴

К счастью, один из посетителей владел врачебными навыками. Он проворно отодвинул мешавший столик и стал развязывать на мадемуазель Бланшар ее пышное платье. Внезапно она шевельнулась, приподняла руку и слабым голосом произнесла по-французски:

– Где я? Кто это?

– Дорогая, ты жива? – сорвавшись от волнения на фаль-

---

⁴ Доктора скорее! Здесь есть доктор? (*нем.*)

цет, воскликнул Либих. – Ты ранена? Скажи: тебе больно?

– Нет... Гельмут, неужели он стрелял в меня?

Вместо ответа Либих крепко прижал к себе очнувшуюся возлюбленную и глазами попросил добровольного лекаря удалиться.

– Дорогая, ты можешь идти?

– Не знаю. Попробую... – Мадемуазель Бланшар выпрямилась, ее грудь вздымалась судорожными толчками. Аните показалось, что писательницу сейчас вырвет, но Элоиза де Пьер справилась с собой и, опершись на руку Гельмута, встала.

Публика металась по залу, под ногами хрустели осколки. Слышалось понятное без перевода слово «polizei». Аните не хотелось в очередной раз встречаться с полицией, и она, пользуясь всеобщим замешательством, стала продвигаться к выходу. Она вышла из кабачка сразу следом за Либихом и мадемуазель Бланшар, видела, как они садились в экипаж. Известную романистку шатало, словно она только что сошла с палубы трансатлантического корабля. Гельмут помог ей устроиться на сиденьях, и экипаж покатиł по Шарлоттенштрассе.

* * *

– Должен вас огорчить, мадам, – сказал Ранке, промокнув платком обширную лысину. – Вы не сможете исполнить дан-

ное вам поручение. Пивовар Шмидт вместе с женой и подмастерьем погиб в огне. Полиция обнаружила только их обугленные тела.

– Как же получилось, что они не успели спастись? Ведь пожар начался днем.

– Во время пожаров случается всякое. Дом внутри был заставлен рухлядью и пивными бочками, а хозяин с хозяйкой, говорят, обожали послеобеденный сон... Видимо, проснулись слишком поздно и в дыму не успели выбраться. Их трупы нашли недалеко от выхода.

– Какое несчастье! – сокрушенно вздохнула Анита. – Что я теперь скажу их знакомым?

– Я могу им только посочувствовать, – развел руками Ранке. – По моим сведениям, у Шмидта не осталось родни в Берлине. Он переехал сюда не так давно, около года тому назад.

– Откуда?

– Кажется, из Шлезвига. Там как раз шла война с Данией, было опасно. Он решил поискать счастья в Берлине, но и здесь начались волнения. Что поделаешь – Германия вся, от Баварских Альп до морского побережья, превратилась в осиное гнездо, нигде честному человеку не найти покоя...

– А как у Шмидта складывались дела в Берлине? Успешно?

– Вряд ли. Пивоварня совсем небольшая, конкурентов много. Во всяком случае, пиво с его маркой мне не попадалось ни разу, а уж я в этом вопросе знаток, поверьте.

– Догадываюсь, что и близких знакомых у Шмидта в Берлине тоже не было.

– Наверное, он просто не успел ими обзавестись. Время такое, мадам, что знакомых приходится подбирать очень осторожно. Не ровен час нарвешься на какого-нибудь...

– Ясно, – прервала Анита очередной запев знакомой песни. – Могу я попросить вас еще об одном одолжении, герр Ранке?

– Для вас все, что в моих силах и что не запрещено законом, мадам.

– Тогда расскажите мне о нападении на мадемуазель Бланшар в ресторане «Ореховое дерево», что на Шарлоттенштрассе, произошедшем сегодня днем.

Глаза Ранке полезли на лоб. Он снова потянулся с платком к лысине, но передумал и опустил руку.

– Вы не устаете меня удивлять. Как вам удастся узнавать обо всех происшествиях, которые случаются в городе? У вас что, собственный штат осведомителей?

– Я не нуждаюсь в осведомителях. У меня редкий дар, герр Ранке: всегда оказываться в нужном месте и в нужное время. Про случай с мадемуазель Бланшар я спросила потому, что была сегодня в «Ореховом дереве» и видела все своими глазами.

– Не сказал бы, что этот дар из числа полезных, – пробормотал Ранке. – Вас могло зацепить пулей.

– Не думаю. Стрельба была вовсе не беспорядочной. Тот

человек с бакенбардами выбрал своей мишенью мадемуазель Бланшар, прочие посетители ресторана его не интересовали. А я сидела в стороне.

— Если вы видели все сами, зачем спрашивать меня о деталях? Я там не был.

— Детали покушения мне не нужны. Расскажите о последствиях.

Герру Ранке никогда прежде не доводилось выступать в роли допрашиваемого. Он впервые в жизни ощутил то, что ощущали доставленные в его кабинет арестанты, которых он умело бомбардировал быстрыми точными вопросами.

— Видите ли, — проговорил он и скомкал влажный платок, — о последствиях говорить рано, прошло всего несколько часов, разбирательство продолжается... К счастью, обошлось без жертв. Никто не убит, не ранен, если не считать кухарки, которая, испугавшись выстрелов в зале, порезала себе руку разделочным ножом. Заведению нанесен незначительный ущерб: разбито пять тарелок, восемь рюмок, два бокала и...

— Что с мадемуазель?

— Ничего серьезного. Пули ее не задели. От услуг лекаря она отказалась, и господин Либих отвез ее к себе домой на Лейпцигштрассе.

— Разве она поселилась у него?

— У мадемуазель Бланшар, насколько мне известно, нет своего жилья в Берлине. Приезжая сюда, она останавлива-

ется в гостинице «Шпрее». Но после сегодняшних событий она наотрез отказалась возвращаться в гостиницу, и Либих увез ее с собой. Учитывая близость их отношений, он имеет на это право.

– А что стрелявший? Полиция ищет его?

– В меру сил, мадам, – ответил Ранке с видом провинившегося отрока. – Берлин наводнен преступными элементами, отыскать среди них нужного – сложнейшая задача. Этот человек, по всей видимости, специалист в своем ремесле. Очень уж ловко он исчез из ресторана, никто даже не заметил, в какую сторону он побежал. Но я надеюсь на удачу. Его приметы розданы всем полицейским, наши люди прочесывают окрестности. Если бы удалось задержать его в момент преступления...

– Было бы еще лучше, если бы он сам пришел в полицию и сдался. – Анита положила руку на ридикуль, что означало у нее намерение прекратить беседу. – Это все, что я хотела узнать. Danke, Herr Ranke.

Прозвучало в рифму, но Ранке не заметил и не улыбнулся. Тяжело поднявшись из-за своего рабочего стола, на котором среди бумаг стоял гипсовый бюстик Барбароссы, он проводил Аниту до двери. Перед тем, как выйти, она сказала ему:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.